

Алина Реник

16+

Нефертити

красота грядет

Алина Реник

Нефертити – красота грядёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39435837

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11381-7

Аннотация

Египетская крестьянка на своем участке находит глиняные таблички, испещрённые палочками и точками. Но в музее Древностей таблички принимают за "исторический мусор". Их относят в хранилище, где им вновь уготована судьба забвения, но случайно обнаруженные на табличке картуши с именами неизвестного прежде фараона Эхнатона и его жены Нефертити заставляют по-иному посмотреть на эти таинственные весточки из прошлого...

Содержание

Глава 1	4
1887 год, Египет	4
Фивы, шестой год царствования фараона Аменхотепа IV	15
Фивы, Долина знати	20
Месяц спустя	25
День тот же. Гадание, карта первая	29
Глава 2	65
Фивы. День чествования быка Аписа.	65
Гадание, карта вторая	
Три дня спустя	67
1907 год, Берлин	72
1887 год, Египет	73
1912 год, 6 декабря, деревня Тель-эль-Амарна	85
День тот же и там же	96
Глава 3	99
Фивы. День чествования быка Аписа.	99
Гадание, карта третья	
Фивы. Три дня спустя, после праздника в городе и гадания Нефертити	107
Фивы. Утро следующего дня...	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Алина Реник Нефертити – красота грядёт

Глава 1

1887 год, Египет

Утро застало женщину в пути. Восток светлел, в сероватой дымке медленно поднималось багровое солнце, розовые тени скользили по склонам гор, придавая им необычайно красивые очертания. Но женщине было не до красот раннего утра. Путь ей предстоял долгий, а ноша была тяжела, верёвка от мешка врезалась в плечо и содержимое его при каждом шаге больно било ей по ногам. Но она всё шла и шла, и песок засыпал её следы...

Пески зыбко перемещались, приоткрывая тайны вечного Египта...

* * *

Несколько дней назад на своём крошечном участке зем-

ли, женщина откопала странные глиняные таблички, испещрённые палочками, точками и царапинами. Табличек было так много, и сохранились они настолько хорошо, что даже неграмотная крестьянка поняла – это возможность заработать. В другой стране такие находки проходят мимо внимания местных жителей, но только не египетских феллахов!¹ Европейцы щедро платят за любую древность.

Женщина шла в Луксор продать свою находку – таблички, на которых только палочки и точки.

Пройдя долгий путь, уставшая и обессиленная, она вошла в Музей древностей. В нерешительности остановилась у дверей, со вздохом облегчения сняла с плеча тяжёлый мешок. Она боялась пройти вперёд, боялась обратиться к сотруднику музея, который переносил с места на место какие-то коробки, боялась, что её находка вызовет лишь смех у такого серьёзного учёного. И было стыдно отрывать его от очень важной работы.

Несколько раз она пыталась заговорить с ним, но он лишь отмахивался. Ему было не до неё! Привезли новые артефакты – мумии культовых ибисов – и всё необходимо принять, произвести опись и отсортировать. Хасану, недавно получившему место в музее, так хотелось проявить себя, показать усердие, что женщина с большим мешком только раздражала своей назойливостью и никчемными глиняными табличками. На таких табличках в Древнем Египте дети учились

¹ Феллах – оседлый крестьянин.

грамоте, пока, им не разрешалось писать на более дорогом материале – папирусе. И таких табличек в хранилище уже тысячи!

Но, бросив ещё раз беглый взгляд на табличку, что она держала в руках, и...

* * *

И его внимание привлекли ровные чёткие знаки. Они не были похожи на детские каракули!

К сожалению, перетаскивая таблички в мешке, женщина сильно повредила некоторые, превратив их в пыль.

– Откуда вы, уважаемая? – спросил он.

– Из Амарны, – тихо ответила женщина.

– Да?.. – удивлённо протянул он, припоминая, что уже был вблизи этого селения. – Помню, помню... Очень интересное место! У вас там и межевые стелы, и гробницы в горах! Почему их так много? В них же никого не хоронили?!

Женщина устало пожала плечами:

– Не знаю...

– Уважаемая, подождите минуточку, я что-нибудь придумаю. Но мне кажется, эти таблички не представляют особой ценности, скорее всего, это школьные тетради, – сказал он, косясь на мешок, а у самого почему-то засосало под ложечкой. В душу закралось сомнение. – Подождите!

«Надо показать их Саиду, – подумал Хасан, – Он знает

древние языки и уж точно отличит историческую ценность от «хлама истории».

Хасан бегом спустился в хранилище.

– Саид. Саид, – голос звонко разносился по лабиринтам хранилища и отзывался гулким эхом.

– Что там такое? – откликнулся Саид, выходя из самой дальней комнаты.

– Глиняные таблички! Женщина принесла целый мешок! Говорит – нашла. Она из селения Тель-эль-Амарна.

– Никогда не слышал о таком, – сказал Саид, подходя ближе. Он был невысок и худощав.

– Это деревня в небольшой долине, с трех сторон окружённая горами, с четвёртой, естественно, Нилом. Горы там с провалами гробниц.

– Уф, Алла, как сказал! Как прочёл, – улыбнулся Саид.

– Да, я... я был там, – зарделся Хасан, помолчал немного и вновь затараторил. – Целый сезон вели раскопки в этих горах, вернее сказать, в гробницах, но, похоже, что в них никто так никогда и не покоился, хотя сами усыпальницы очень красивые. Таких рисунков я нигде не встречал. Они нарисованы как-то не так, как-то необычно... словно живые.... Ну, люди на них словно живые. Но сама долина ничем не приметна, там нет даже храмов или каких-то построек. Только пограничные стелы, наподобие тех, что любила ставить Хатшепсут. Только они, может, и имеют какую-то ценность. Я думаю, что женщина принесла или школьные таблички, или

архив одного из номов. Жаль её, такой путь прошла!

– Ну, пойдём, дружище, посмотрим. Стелы царицы Хатшепсут что-то да значат, – сказал Саид.

– Нет, нет, там не было никаких стел Хатшепсут, их-то я хорошо знаю, – заволновался Хасан. – Я так просто сравнил те из Амарны, со стелами Хатшепсут, что стоят здесь. – И он махнул рукой в сторону, словно указывая на величественные обелиски, что возвышались над городом вот уже более трёх тысяч лет.

– Ну, ну, не суетись, – Саид похлопал его по плечу. – Идём посмотрим.

Они вышли в холл, где ждала хоть какого-то ответа уставшая путница. Руки свисали плетью, мешок с табличками лежал на полу. Она переминалась с ноги на ногу и перебирала кисточки на стареньком платке, нервничая, что пришлось проделать такой путь из-за никчёмных табличек.

– Мир вам!

– И вам!

– Уважаемая, что заставило вас прийти?

– Я нашла вот это. – Она присела и открыла мешок, где было несколько десятков глиняных табличек, половина из которых уже напоминали простые черепки. – Их там очень много, они были в больших ящиках, но дерево уже истлело и рассохлось. Да и как бы я их принесла...

Саид наклонился, взял одну из табличек: глина гладкая, знаки очень чёткие и ровные, но ничего особенного! Обыч-

ная клинопись.

– Уважаемая, мне очень жаль, что вы проделали такой долгий путь, но я не могу у вас их купить, – говоря это, Саид посмотрел на бедную женщину, – сердце сжалось от отчаяния в её глазах. – Хорошо... я дам вам немного... вот, возьмите...

Протянул ей несколько фунтов – всё, что было в его кармане, но и этого оказалось достаточно. Женщина трясущейся рукой схватила деньги, и не прошло и нескольких минут, как песок вновь засыпал её следы...

Саид проводил её взглядом и, свернув мешок, понес в хранилище, удивляясь при этом, как слабая женщина могла принести такую тяжесть.

Спустился в хранилище. Здесь царила прохлада и покой... Вечный покой исчезнувшей цивилизации. На стеллажах мирно покоились алебастровые светильники, вазы для жертвоприношений, канопы для внутренних органов умершего, различная храмовая утварь. В дальнем углу стояли деревянные саркофаги с золотой росписью и небольшие каменные плиты.

Саид любил бывать в хранилище, любил, соприкасаться с тайнами Египта и по кусочкам, по крохам собирать его историю. Каждая новая, даже самая незначительная находка вызвала в нём бурю восторга и давала пищу для фантазии, улетая на крыльях которой, он сам становился участником истории: то он раб с огромным опахалом за тронном у Клео-

патры, то жрец в храме Амона, то парасхит, готовящий фараона к вечному пути, а то и сам фараон, окружённый обнажёнными танцовщицами.

Здесь Саид становился немного философом и даже фаталистом, и его постоянно посещала одна и та же мысль – о бренности бытия и превратностях судьбы. Виной тому были все эти весточки из прошлого. Вот на одном из саркофагов едва читается: *«Ты сильнейший из сильных, ты великий воин, ты владеешь большим домом, у тебя много сыновей, они продлят твой земной путь. И ты будешь жить вечно. Твоя душа найдёт свой сах² в этом саркофаге»*. Но ещё не успевают просохнуть глаза плакальщиц, как враги уничтожают мумию «великого война» и присваивают себе его усыпальницу, а саркофаг... Саркофаг достался другому. И теперь надпись на нём гласила: *«Ты слеп. Никогда не увидишь своих жён и детей, но ты велик своей мудростью. К твоим словам прислушивается сам фараон! Твоя душа найдёт свое вместилище в этом саркофаге. И ты будешь жить вечно»*.

Но зря мудрец – предсказатель приготовил для себя саркофаг. Своими предсказаниями он прогневил фараона. И сожгли мудреца на площади, а прах развеяли по ветру, чтобы душа, никогда не встретившись с мумией, вечно блуждала во Вселенной.

А на саркофаг старательно наносят новую надпись: *«Красота твоя не померкнет в веках. В любви ты первая искус-*

² Мумия.

ница, тобой очарованы доблестные сыны Кеми. Твоя душа – Ба найдёт своё вместилище в этом саркофаге».

Но обманутая жена отомстила *искуснице* за пролитые слёзы. Темной ночью она пробирается в усыпальницу, крадёт все четыре канопы и бросает их в Нил. Быстрые воды, подхватив деревянные сосуды, унесли их за сотни миль.

Так и обнаружили археологи в саркофаге одинокую мумию молодой женщины, смерть которой наступила из-за самой банальной болезни. Мумия *искусницы* была покрыта струпьями, и красота её «вечная» померкла ещё при жизни. Но зато саркофаг, в котором она покоилась, был не просто красив, это было настоящее произведение искусства!

Саид подолгу разглядывал замысловатые рисунки на нём, любовно поглаживал позолоченную роспись и повторял заученные им когда-то латинские слова:

– Vita brevis... Vita brevis...

– Vita brevis, ars longa, – говорил Гиппократ. – «Жизнь коротка, искусство вечно». Жизнь проходит безвозвратно, и время превращает тело в прах, а созданное человеческими руками переживает создателя на тысячелетия.

* * *

Саид аккуратно, заботливо обтирая, раскладывал таблички на стеллаже и старался найти отколотые кусочки от тех, что потрескались и поломались в пути. Скорее всего, таб-

лички не представляли какой-либо ценности, но он привык ко всему, что находят в земле Египта, относиться с почтением. Тщательно подбирая осколки, Саид вглядывался в них, пытался прочесть, но ничего интересного... Лишь какие-то подсчёты, и что-то вроде сказок. Всё, как обычно, – школьные тетради!

Вдруг странная надпись привлекла его внимание: «*Великий дом*»...

– Ого! «*Великий дом*»! А ведь так египтяне называли фараона! – присвистнул от удивления Саид, – ...а вот и картуш! Почти стёртый... в картушах они писали только имена фараонов или членов его семьи. Наверное, дети учились писать прошение к фараону на аккадском.³, – размышлял Саид, продолжая читать.

К Великому дому... обращается его раб Ареботи, призываю, обрати...

Ну, это понятно: все рабы, все... Но что за тон: «*призываю*».

Мог ли простой учитель позволить себе такую вольность – учить детей требовать у фараона?

К Великому дому... обращается его раб Ареботи, призываю, обрати своё внимание на бедственное положение твоих слуг. Хетты ведут двойную игру, финикийцы не платят дани, они смеются нам в лицо. Твоих сборщиков налогов, о,

³ Аккадский язык был языком Вавилонского государства и на нём чаще всего велась дипломатическая переписка.

Великий сын Гора, избил палками до смерти. Номы бунтуют, и я терплю крайнюю нужду, хлеба осталось на несколько дней!

Я отрезан от мира, и каждый день жду смерти. Это уже четвёртое послание. Умоляю о помощи.

Вот это да! Когда ж хетты и финикийцы были так смелы и наглы с великим Египтом? Это уже интересно!

Обращаюсь с мольбой, поторопись, о Великий сын Гора. Да будет Эхнатон жить вечно вековечно.

– Эхнатон – имя взято в картуш, но... Но я не помню, чтобы это имя встречалось мне раньше. – Саид задумался и почти механически взял следующую табличку.

Войско одержало победу, но какой ценой! Тысячи Уэу⁴ погибли. Умер с мечом в руке славный полководец и любимец фараона Неферхотеп. На приготовления Неферхотепа к вечному пути казна отпускает золото...»

«Должно быть, много золота, – улыбнулся Саид, – если об этом упоминается в документе».

Саиду становилось все интересней, он взял другую табличку.

В женский дом фараона, да будет он жив, цел и здоров, доставлены две наложницы, красотой своей затмевающие солнце, но господин земли от края до края её даже не взглянул на них.

И дальше шло прошение: «Главный евнух просит или не

⁴ Пеший воин.

присылать жещин вообще, потому что фараон, кроме своей любимой жены, никого не хочет видеть, или чтобы их пристраивали в жрицы богини любви Хатхор, ведь не могут же они кормить сотни никчемных жещин». Саид присвистнул, в кои веки мужчина отказывался от новых красавиц в гареме, и какая должна быть эта *любимая жена*, что фараон считает её единственной?

Саид пересматривал таблички, и чем больше всматривался в неказистые с виду весточки из прошлого, тем больше убеждался: в его руках нечто бесценное...

* * *

Пройдёт совсем немного времени, и неизвестная ранее деревня с обычным арабским названием Тель-эль-Амарна, возникшая на месте древнего города Ахетатона, даст название самому интересному периоду жизни этой страны – *Амарнскому*. А таблички окажутся «находкой века», архивом «*министерства иностранных дел Аменхотена III и его сына Аменхотена IV – Эхнатона*».

Фивы, шестой год царствования фараона Аменхотепа IV

В шестой год царствования, в первый месяц весны, на десятый день Аменхотеп IV принимал послов в тронном зале. Это был даже не зал, а комната с невысокими потолками, наследие его прапрабабки царицы Хатшепсут. Она любила небольшие комнатки, изрядно украшенные золотом: пол, стены, потолок, позолоченная мебель – всюду этот нетленный металл. Золото душило Аменхотепа, не давало вздохнуть полной грудью.

Семья всегда считала его странным, не таким, как все. Вот и золото он не любил. Ему больше нравились сочные краски на расписных стенах, чем это нетленное мерцание, напоминающее о вечном и неизбежном.⁵

Отец его, Великий Аменхотеп III, когда был ещё жив, часто посматривал на сына с грустью: не таким он видел преемника своей власти, и не такого хотели бы видеть боги на священном троне Гора.⁶ Но другого наследника у него не было.

⁵ В Древнем Египте до определённого момента золото не являлось денежным эквивалентом, а было необходимым спутником в долгом странствии человека в загробном мире. Оно олицетворяло собой могущественную власть и вечную жизнь фараона.

⁶ Гор, сын Осириса и Исиды, при помощи своего волшебного ока оживил отца. Гор являлся символом царской власти.

Его первая и любимая жена, умнейшая из женщин Тэя, подарила ему лишь двух сыновей. Старший сын погиб, а младший – Аменхотеп – был болезненным, неуклюжим и угловатым.

С возрастом вся несуразность его облика проявилась ещё больше: огромная яйцевидная голова, вытянутое лицо и очень непропорциональная фигура – он больше напоминал многодетную мать, чем юношу. С тяжёлым сердцем Аменхотеп провозгласил сына соправителем, а после своего «ухода» правителем Кеми⁷. И вот уже шесть восходов звезды Сопдет Аменхотеп IV «стремился» быть добрым отцом своему народу.

* * *

Послы долго уговаривали Аменхотепа вступить с ними в союз против хитрого и коварного хеттского царя Суппилилиума. Фараон слушал их, уплывая в мире розовых грез: он мечтал, как во время войны с хеттами возглавит войско: на нём боевая синяя корона, латы и щитки, защищающие тело. Он во главе войска, как Тутмос, огнём и мечом разит непокорных врагов. Он красиво погибнет в бою: силы будут неравные, войско начнёт отступать, и чтобы поднять дух воинов, он поведёт свою колесницу в бой, стреляя из лука. Но

⁷ Египта.

стрела дикаря сразит его, и горе своими крылами накроет любимую землю. Народ останется один, и будет оплакивать его – ведь другого такого фараона уже никогда не будет на земле, по которой течет Великая река...

... Кто-то чёрный тасует его мысли, словно карты бога мудрости Тота. Мысли путаются и пропадают в темноте...

Аменхотеп засыпал.

Послы, не получив ответа, склонив головы, расходились, тяжело вздыхая и бурча себе под нос:

– Разве это правитель? Он слаб, как дитя. Скоро это пойдут враги, тогда гибель неизбежна, а вместе с Египтом погибнем и мы.

– У нас лишь одна надежда!

– Его жена?

– Да!

– Нефертити. Только она поможет нам всем!

И послы гурьбой засеменяли в покои к царице.

– Лучезарная, припадаем к твоим ногам, целуем твои следы, мы дети твои, обращаемся к тебе с мольбой, Лучезарная: помоги! Направь мысли Божественного в нужном... – Посол замолчал. Да разве можно произнести, что мысли фараона далеки, в то время как враги стоят у их стен. Еще месяц промедления, и от их маленьких государств не останется и следа. Как скажешь, что им необходим сильный фараон!

«Лучезарная» изумлённо вскинула красивые бровки и чуть подалась вперед. Она удивлена, но готова выслушать.

И посол, низко склонившись и приложив руку к груди, продолжил:

– Когда-то Божественный Тутмос завоёвывал новые земли, Аменхотеп I и Аменхотеп II продолжили его путь, и держали врагов в постоянном страхе. Аменхотеп III, ты знаешь, Лучезарная, жил мирной жизнью и не только не ходил в походы, но даже редко посылал войско для охраны границ. Вот когда подняли головы хетты и кушиты, они постоянными набегами разоряют наши города, они, как шакалы, ждут, когда же оступится Великий Хапи. А брат и муж твой, о, прекрасная Нефертити, ничего об этом не ведает, живёт слишком безмятежно! Все знают, он невоинствующий фараон – он отказался от военных походов – и даже не хочет содержать армию! Но в подлунном мире существует лишь одно правило: *«Кто не хочет кормить своих защитников, будет кормить своих врагов»*.

Нефертити внимательно слушала, взгляд её темнел...

– Мы боимся – враг стоит у городов наших! Лучезарная, только на тебя и осталась у нас надежда: пусть поможет хоть не войском хотя бы золотом для откупа, ведь *«золота в стране Египта, что камней в нашей собственной»*.

– О, покровительница сладострастия, сердцу фараона приятно слышать твой голос, помоги нам, упроси Аменхотеп, да будет фараон жив, цел и здоров, послать нам помощь. Иначе огромные бедствия падут на наши головы! Враг у наших стен!

– Мы дети его и мы исправно платим дань. Помогите нам в трудные дни!..

– Хорошо. Помощь будет. Я поговорю с фараоном. Наша сила в единстве, – произнесла Нефертити, чуть наклонив голову, давая понять им, что приём закончен.

Послы вышли довольные: теперь они спокойно могут возвращаться – цель достигнута!

Фивы, Долина знати

Стены усыпальницы расписаны краской из минералов, краска почему-то тускнеет и трескается, а в некоторых местах даже видны небрежные штрихи угольком.

– И эти красоты будут жить вечно?! За такую работу вам отрубят руки, а меня отправят в каменоломни, – кричит старший мастер. – Убрать эти рисунки и нанести новые!

Скульптор Тутмос⁸ руководит строительством гробницы. Для него это трудовая повинность, которую отрабатывает каждый. Кто-то работает на полях фараона, кто-то ткёт ткань для его дома, а Тутмос обязан построить усыпальницу для царского любимца. И «любимца» должны окружать сцены из славной жизни, чтобы Ка⁹ ненароком не позабыла, кто её хозяин и каковы его прижизненные подвиги, чтобы не заплутала душа на бесконечных дорогах странствий в загробном мире...

Тутмос знал: рисунки важны, и создавать их необходимо так, чтобы века были не властны над ними – они могут понадобиться «ушедшему» в страну Осириса в любой момент, и через год, и через множество сменяющих друг друга веков!

⁸ Имя Тутмос принятая в кругу египтологов условность, получена в результате слияния греческого обозначения египетского бога мудрости Тот – Thut и mose, что означает «сын», египетское имя – Dhwtj-nht.

⁹ Душа.

– Пособники Сета!¹⁰. Хотите оставить несчастного без помощи? – не унимался Тутмос, тыкая пальцем в изображение «любимца» фараона на стене. – Жизнь после смерти только начинается! А если мумия истлеет? А если душа не вспомнит себя по рисункам, да и как по этим рисункам она сможет себя вспомнить? А если ещё и своё вместилище¹¹ она не узнает, тогда что? Неприкаянная душа будет скитаться между мирами вечно?

Мастера стояли, понутив головы. Они знали – Тутмос прав.

Таких ваятелей, как он, называли *санх* – «творящий жизнь». Они создавали самое важное для ушедших в страну Иалу – скульптуры, вместилище для души. Только сам Тутмос сожалел, что его работы уходят вместе с усопшими в ту далёкую страну вечного счастья. Он хотел, чтобы они оставались под солнцем и радовали бы всех красотой. Тутмос мечтал ваять скульптуры не только как вместилище душ умерших, но и как живое воплощение людей.

И это была его первая заветная мечта. Вторая как-то незримо соединилась с первой, терзая по ночам муками творчества. Тутмос мечтал создать бюст самой прекрасной женщины Кеми – царицы Нефертити.

Шесть лет назад он увидел её на празднике «Хеб-сед». В

¹⁰ Сет – в эпоху Нового царства повелитель сил зла. Он убил своего брата Осириса.

¹¹ Скульптура-вместилище души.

этот день чествовали и славили возлюбленного богами фараона Небмаатра¹², а он, сославшись на давность лет своих, провозгласил сына Аменхотепа своим соправителем.

Когда праздник был в разгаре, Хатхор – богиня любви – обратила на Тутмоса божественный взор, и, словно по её желанию, он впервые увидел Нефертити в лучах заходящего солнца. Нефертити юная, тоненькая, как тростиночка, шла с мужем, первой парой в праздничной процессии. На ней было тончайшее из плиссированного льна платье, подхваченное под грудью золотым пояском, на шее золотая пектораль и лазуритовый воротник и такого же цвета на голове возвышалась тиара. Казалось, что тиара слишком тяжела для такой тоненькой шейки, но будущая царица несла её с величайшим достоинством и грацией. Толпа радостными криками встречала молодую царственную чету. Нефертити, улыбаясь, шла, высоко приподняв голову, словно стараясь показать всем – она сможет быть достойной правительницей.¹³

Когда Аменхотеп и Нефертити проходили мимо того места, где стоял Тутмоса, она на какое-то мгновение едва повернула голову в его сторону, и, ему показалось, она посмотрела на него, улыбнулась едва-едва... лишь уголками губ и только ему... и взмахнула ресницами...

...Поворот головы, взмах ресниц, улыбка – всё доказы-

¹² Тронное имя Аменхотепа III.

¹³ Но, возможно, приподнимая выше подбородок, она пыталась так удержать слишком тяжелую для нее тиару?

вало, перед ним само божество, воплощенное в прекрасной женщине. Дыхание перехватило, и, казалось, жизнь вдруг остановилась – это незримая стрела, пущенная Хатхор, попала прямо ему в сердце.

Стрела пронзила не только сердце, но и лишила сна, поселив в его несчастной душе прекрасный образ.

Образ Нефертити жил в нём вместе с необъяснимым чувством, что, маленькой искоркой попав в сердце, с каждым днём поглощало его всё больше и больше, разгораясь в пожар. Иногда огонь в душе затихал, и лишь котёнок богини любви Баст¹⁴, свернувшись у него на груди и тихонечко мурлыча, выпускал острые коготки. Они скребли его истерзанную душу: «Никогда тебе не быть рядом с ней и никогда ты не сможешь прикоснуться к этим щекам, провести рукой по волосам! Она жена бога». На что он, смертный скульптор, может надеяться? Только на прикосновение губами к её сандалиии, и то, если ему посчастливится быть замеченным как лучшему из лучших. Но он всего лишь простой мастер, каких тысячи.

Как бы ни были крамольны, несбыточны и даже горьки его мысли, они всегда возвращались к милому образу Нефертити, и в душе теплилась надежда. Надежда! Когда-нибудь она узнает о нём! Узнает, как о лучшем мастере, захочет взглянуть на него, и тогда он сможет припасть к её стопам и поцеловать их!

¹⁴ Богиня любви в виде кошки.

Поэтому он вкладывал всё своё умение в каждый созданный им бюст, в каждый нарисованный им лик, надеясь, что слава о нём достигнет ушей царицы, и тогда он будет самым счастливым в подлунном мире.

Это будет! А пока Тутмос строил и расписывал усыпальницы – дома вечности, творил бюсты, и безнадежно любил. Любил нежно и искренне, любил её образ, образ Нефертити, лёгкий и эфемерный, как аромат лотоса, и прекрасный, как восход солнца в утренней лазури. Эта любовь была как сон, как сказка, и ей не должно было давать свои ростки и расцветать прекрасным цветком. Её просто не могло быть, потому что Нефертити – жена фараона! А он всего лишь санх – творящий жизнь.

Но, несмотря ни на что – на все каноны и запреты, на всю абсурдность желаний, – он трепетно лелеял своё чувство.

Разве можно приказать сердцу: «Не люби!» Послушает ли оно? Вряд ли...

Месяц спустя

Сегодня Тутмос закончил усыпальницу, над которой трудился два разлива Нила. Последний беглый взгляд на работу – ему всё нравится. Завтра он придёт сюда с заказчиком.

Тутмос кропотливо вырисовывал каждый эпизод из жизни этого человека, конечно же, приукрашивая большую часть из них. Так его жену он нарисовал очень красивой и молодой. Кому захочется тысячи загробных лет провести рядом со страшной и вредной старухой, ещё при жизни надоевшей больше назойливой мухи?

Женщина на фресках немного походила на Нефертити. Тутмос прикоснулся к изображению, провёл рукой по прекрасным изгибам тела, по волосам, ниспадавшим пышными волнами, дотронулся до рук и поцеловал её ноги. Даже здесь, где его никто не видел, он не мог позволить себе большего. Образ Божественной был настолько ему дорог, что он боялся оскорбить даже её отдалённую копию.

Тутмос любовался своей мечтой – своей богиней, имя которой Нефертити.

Каждый день он приносил цветы и ставил напротив её изображения, чтобы она могла видеть их. Он приносил ей лучшие плоды смоковницы и услаждал ими её взор, разговаривал с ней, пел любовные песни. Рисунок – воплощение Нефертити. И Тутмос так привык видеть его, так сроднил-

ся со своим тайным сокровищем, что завершение работы совсем не радовало, если бы не плата, которую он получит за труд.

А она ему нужна! Плата нужна для того, чтобы обменять её на самый дорогой розовый гранит. И вот тогда он осуществит свою мечту – создаст её скульптуру или бюст. Да! Он создаст бюст царицы Нефертити! Мечта эта преследовала его постоянно. Во сне он творил её лик, а, просыпаясь, грезил наяву, мысленно прорабатывая каждую линию, каждый изгиб божественного лица. И упивался этими мечтами.

* * *

Тутмос бросил последний взгляд на работу и, выходя из усыпальницы, написал чёрной краской над входом: *«Я сотворил гробницу. Никого, кто видит, никого, кто слышит»*.

Бросил ещё раз беглый взгляд на дело рук своих и пошёл прочь.

* * *

Он спустился к берегу Нила. На восточном берегу гудел город, слышны были песни и музыка, на этой стороне царили тишина и покой. Он стоял, вслушиваясь в биение жизни, долетавшее с той стороны, удивлялся беспечности людей –

они веселились и не думали о вечном.

«А, может, так и должно быть? И надо радоваться жизни, пока живёшь? Ведь никто ещё не вернулся с полей истины. Я работаю в Некрополе давно, но ещё ни разу не видел того, кто бы вернулся оттуда. Только горе и печаль вижу я здесь ежедневно». Тутмос стоял, скрестив руки на груди, вслушиваясь в звуки, которые доносил ветер. Размышляя о вечном, о смысле жизненного пути и о том, как должно жить, он было повернул обратно в деревню мастеров, что находилась у подножия гор, но вдруг его внимание привлекло оживление на храмовой пристани.

У берега колыхалось несколько лодок, готовых к отплытию. Тутмос заметил, что все лодочники были как-то необычайно свежи, или, вернее сказать, они были в праздничных одеждах, если набедренные повязки из льна да пару браслетов вообще можно было назвать одеждой. Один из них всё поторапливал:

– Давай! Давай!.. Поторопись! Скоро выведут быка!

Тутмос ударил себя по лбу ладонью.

– О боги! Я забыл! – только и вырвалось из его груди.

За работой, за мечтаниями он совсем позабыл о празднике в честь священного быка Аписа. А ведь это была возможность увидеть царственную чету. Пусть издалека, окружённую свитой и сиянием золота, неприступную и далёкую, но всё же на празднике он мог увидеть Нефертити.

И ему неудержимо захотелось быть сейчас там, среди жи-

вых, вдохнуть ветер жизни. Слишком долго он был среди мёртвых скал, слишком долго не видел улыбок и счастья на лицах людей, лишь слёзы и скорбь сопровождали его здесь.

Тутмоса влекло на восточный берег, и, словно предчувствуя что-то необычное, неведомое, он засуетился и занервничал. Волнующее чувство приближения чуда разливалось в груди, передаваясь чреслам. Он не мог понять, что это, но это что-то было ему приятно.

Подойдя к одной из лодок, Тутмос, не торгуясь, очень взволнованно, попросил переправить его на восточный берег. Теперь он торопил лодочника, словно что-то неведомое, что может изменить его жизнь, ждало и томилось в ожидании на том берегу. Тутмос дрожал то ли от волнения, то ли от страха, что «неведомое» не дождётся и уйдёт, унеся его мечту с собой.

Тутмос боялся опоздать на встречу... Но с кем или с чем? Он не задумывался над этим, и лишь сердце торопило его: «Быстрее! Быстрее! Ты должен быть там! Быстрее!»

День тот же. Гадание, карта первая

Восемь огромных рабов-кушитов на плечах несли роскошный позолоченный паланкин, он мерно покачивался в такт их шагов. Тяжелый полог паланкина плотно задернут. За ним две прелестные девы. На первой – платье из тончайшего, привезённого из далёкой страны шёлка. Прозрачная ткань так нежна и так игриво струится по великолепному телу красавицы, что платье из грубого, не выбеленного льна второй казалось жалким! На одной массивные золотые браслеты с ониксом, на другой – браслеты медные. На нежной шее первой – широкое ожерелье из золота и бирюзы, на второй лишь тоненькая ниточка бисера. Пальчики первой красавицы унизаны кольцами с изображениями скарабея и сокола, у спутницы было лишь одно простенькое колечко из слоновой кости. Голова первой увенчана золотым обручем с коброй на лбу, у второй волосы подхвачены обыкновенной лентой из сплетённых нитей. Но, несмотря на эти различия в одежде, они были очень похожи. Искренний и тёплый взгляд, красивые и чувственные губы, нежный овал лица – все говорило о том, что это сёстры.

– Бенремут, почему ты оделась, как простолюдинка? – спросила Нефертити, разглядывая необычный наряд сестры.

– Возлюбленная сестра моя, – тихо отвечала Бенремут, одетая и в самом деле очень просто даже для служанки в до-

ме фараона, – я так оделась для того, чтобы погулять по городу без охраны...

Нефертити вскинула на неё удивлённые глаза: такое странное желание. Бенремут немного смутилась, но продолжала:

– Одна из служанок рассказала мне о врачевателе, он живёт при храме, и его дочери-гадалке. Говорит, что все предсказания её сбываются! – Бенремут замолчала и, чуть отодвинув полог, посмотрела на оживлённую улицу. Потом повернулась и как-то очень печально добавила. – Мне хочется знать, что ждёт меня впереди... Понимаешь?

– Я тебе могу сказать, – с улыбкой сказала Нефертити, желая развеселить и отвлечь от горьких мыслей сестру, – что тебя ждёт впереди! Мы будем вместе до конца наших земных дней, построим усыпальницы рядом, и наши Ба будут летать к друг другу в гости...

Бенремут улыбнулась сквозь слёзы.

– Мы с тобой очень похожи, но отчего наши судьбы такие разные? Чем я прогневила богов? Чем прогневила Хатхор? Где оступилась? Может, какой беды я виновница?

– Что ты такое говоришь, любовь моя? – Нефертити бросилась к сестре в объятия и, целуя её влажные от слёз щёки, зашептала. – Ты ни в чем не виновата! Ты никому не причинила зла! Боги любят тебя! Ты нигде не оступилась! И Хатхор была добра к тебе, одарив любовью самого молодого и самого красивого полководца Неферхотепа! Ты вошла в

его дом с любовью, с надеждой! Разве не он был любимцем фараона? Его ждало великое будущее и славные походы, но кто ж знал, что он так рано погибнет от стрелы дикаря?

– Он погиб! Почему так?.. Оставил мне лишь доброе имя!

– Это немало!

– Доброе имя – это немало! Но я бы хотела, чтобы он оставил мне хотя бы одного розовощёкого малыша! Я каждый день молила об этом Таурт¹⁵, но, похоже, наша пузатенькая бегемотица не спешила одарить меня ребёнком. Она приходила к тебе...

Бенремут осеклась, задумалась...

Её младшая сестра Нефертити, когда звезда Сопдет¹⁶ взошла над ней в четырнадцатый раз, была введена в дом будущего наследника престола Аменхотепа IV и с первых же дней стала его любимой женой. Чем она покорила сердце принца? Красотой? Нежностью? Наверное, да. Она, как маленький солнечный лучик, проникая в вековые покои, несла с собой сияние жизни, и это настолько было очевидно, что все, не сговариваясь, стали называть её Лучезарная.

– Он души в тебе не чает.

– Кто? – не поняла Нефертити.

– Аменхотеп. Каждый день посвящает тебе то стих, то хвалебную песню, не может представить себе жизни без тебя.

¹⁵ Таурт – богиня в образе бегемота, покровительница женщин и рожениц. У неё просили о ребёнке.

¹⁶ Сириус, эллинистическое название Сотис.

– О, да! Вчера он прочёл мне: *«Я люблю сладкое дыхание твоего рта. Я каждый день восторгаюсь твоей красотой. И моё желание – слышать твой прекрасный голос, звучащий, словно шелест северного ветра».*

– Красиво! А ты любишь его?

– Я на любовь отвечаю любовью.

– Отвечаешь, но не любишь?!

Теперь Нефертити задумалась. Она, и в самом деле, не испытывала большой любви к Аменхотепу, но в знак признательности за оказанную честь выбора именно её в первые жены она позволяла себя любить и платила за любовь нежностью.

– Я не знаю... не знаю, что такое любить... как это?

* * *

Сердце Нефертити сжалось от непреодолимой тоски и страха. Да, она любима Аменхотепом, хороша собой, умна и может влиять на него! Пока! Но она также знает, что это не устраивает жрецов. Им не нужна умная жена фараона, к чьему голосу прислушиваются и чьим советам следуют. Они боятся, что Нефертити повторит роль царицы Тэйи, матери её мужа. Та тоже была умна, имела сильный характер, и ни одно решение фараон Аменхотеп III не принял без её совета, ни одно событие в стране не прошло без её участия.

Жрецам больше не нужна сильная и умная женщина на

престоле, к тому же обладающая огромной властью над фараоном. Именно поэтому все эти годы они так стараются заменить Нефертити новой женой или наложницей, лишь бы та была более сговорчива с ними. Они присылают в женский дом Аменхотепа всё новых и новых красавиц: принцесс из далёких стран и даже просто рабынь, в надежде, что хоть одна из них завоюет его внимание. Но Аменхотеп не видит никого, кроме Нефертити, «*владычицы его души*», и трёх очаровательных дочек. Дни и ночи напролёт он проводит в покоях Нефертити, не думая и не заботясь больше ни о ком и ни о чем.

А это тревожит Нефертити: того и смотри, подсыплет яда какая-нибудь ревнивая жена, изнывающая от тоски в гареме. Совсем недавно Нефертити нашла у себя под подушкой веточку левкоя. Может, не обратила бы на неё внимания, не знай она, что запах левкоя – сладкий запах смерти. Сначала тело покрывается язвами, и не пройдет и месяца, как человека встретят парасхиты на западном берегу Нила.

Женская месть – страшна! И Нефертити боялась не только за свою жизнь, но и за жизнь детей. Единственная, кому она всецело могла доверять была Бенремут, как две капли воды похожая на неё. С сестрой Нефертити не боялась оставить детей – Бенремут, как львица, будет оберегать их сон и, словно волчица, перегрызёт горло любому, кто посмеет их чем-то обидеть. Дети Нефертити для Бенремут были как родные, как дар судьбы.

Сегодня же сёстры решили погулять по городу тайком, без охраны, никого не оповестив о столь дерзком желании. Знали – им непременно откажут.

Чествование священного быка Аписа – самый любимый всеми праздник.

В праздничные дни в Фивы со всех номов, словно ручейки, стекались людские потоки, превращаясь в один мощный, порой неуправляемый поток, грозящий, подобно Нилу в дни разлива, смести всё на своём пути. И всему дому фараона строжайше запрещалось выходить в город без свиты. Все следовали этому указу, но только не Нефертити. Она, как воды Великой реки, своенравна, и ничто не может её удержать, если она что-то задумала. Вот почему дворцовая стража не пыталась ей препятствовать, знали: спорить с царицей тщетно!

Носилки покачивались в такт шагам негров-кушитов, а Нефертити и Бенремут, в щелку чуть раздвинутого полога с любопытством наблюдали за оживлением на улицах.

Праздничный город, словно потревоженный улей, шумел разноголосьем.

Женщины с трещотками, мужчины с флейтами, дети со свистульками и медовыми хлебцами в руках, жрецы и иноземные гости: финикийцы, хетты, ассирийцы и князья-ку-

шиты с женами и детьми – все пели, приплясывали, шутили, угощали друг друга вином. Вино лилось рекой.

Обнажённые танцовщицы кружились в танце, завлекая прекрасными телами мужчин познать их искусство любви. Среди танцовщиц сёстры заметили ту, которую все называли Искусницей сладострастия.

– Ты знаешь её? – спросила Бенремут.

– О, да! – саркастически улыбнулась Нефертити. – Знаю. Сам верховный жрец амбаров Амона – Небамон – присылал её в дар Аменхотепу! Вероятно, достопочтенный Небамон надеялся, что она своим умением хоть на одну ночь затмит меня! И...

– И он забудет красавицу-жену! – также улыбнулась Бенремут. – Жрецы готовы уложить на ложе фараона даже уличную девку, лишь бы ослабить твою власть над ним! И как? Это удалось?

– Нет! – равнодушно ответила Нефертити. – Аменхотеп даже не взглянув на красотку, отправил в подарок одному из сводных братьев.

* * *

Носилки следовали вдоль улиц... Царица наблюдала за людьми и завидовала простолюдинам – они могут быть самими собой. За ними не следят тысячи глаз. И почему-то ей неудержимо захотелось быть одной из них и также беззабот-

но веселиться.

Но выйти в толпу в платье царицы было бы верхом неосторожности, да и люди перестали бы быть теми, кем она их видела сейчас. «А что будет твориться во дворце, если кто увидит меня здесь? – Она мысленно усмехнулась, – погулять бы одной!» Вдруг её осенила блестящая идея! Игриво посмотрев на сестру, Нефертити сказала:

– Что, если ты дашь мне свою одежду? Я тебе уже погадала и ты знаешь, что тебя ждёт, – она весело улыбалась. – А мне так хочется побродить по городу в одежде простолюдинки! Так хочется!

Теперь Бенремут, удивлённо посмотрев на Нефертити, строго спросила:

– А если?..

– Никаких если... никто не узнает! Всё будет хорошо! Я только погуляю! Погуляю и вернусь!

Бенремут недолго сомневалась и тут же поменялась с сестрой платьем.

* * *

В обычном льняном платье с тоненькой ниточкой бисера на шее Нефертити была очаровательна! Теперь ничто не отвлекало внимание от естественной красоты царицы: ни браслеты на запястьях и предплечьях, ни золотой с бирюзой воротник, ни тяжелые серьги. Наоборот, простенькие серьги

больше подчёркивали красоту её тоненькой шеи и нежность кожи. А простенькое колечко придавало пальчикам необычайную трогательность.

Жестом, приказав рабам остановиться, Нефертити ласточкой выпорхнула из «золоченой клетки» и, не произнеся ни слова, смешалась с толпой, словно и не было её.

Рабы переглянулись – Бенремут решила погулять по городу в одиночестве? Что ж, так тому и быть! И спокойно, ни о чём не подозревая, отправились обратно во дворец, неся на плечах именно Бенремут. А жена фараона Нефертити осталась среди улиц, подвергая своё божественное тело и бессмертную душу несчётным опасностям, которые могли подстергать её на каждом шагу.

Не поздоровилось бы этим рабам-кушита, узнай фараон, кого они оставили среди толпы, без присмотра и защиты. Но в том не было их вины. Да и как они могли узнать в той, что выпорхнула из паланкина в простом одеянии, правительницу Верхнего и Нижнего Египта Нефертити. В таком наряде царица стала обычной жительницей города.

На базарной площади Нефертити, как странник в чужой стране, – всё для неё ново, интересно и необычно. Фрукты, которые предлагали отведать торговцы, были вкусней в тысячи раз тех, что подавали во дворце. Лепёшка из полбы¹⁷ показалась аппетитней медовых хлебцев. А когда из старого кувшина Нефертити отведала душистого напитка из смоков-

¹⁷ Полба – вид пшеницы.

ницы, что любезно предложила старушка, то прохлада и вкус этого напитка так освежили её и придали столько сил, что, казалось, она могла бы сейчас пройти всю Синайскую пустыню. Царица была буквально счастлива – она любила всех и была благодарна этим людям за благодушие и приветливость, что вот так славно можно бродить по городу и никого и ничего не бояться. Город принадлежит ей по праву жены властителя Египта. Но об этом не хотелось думать. Ей было хорошо, и она испытывала невероятную гордость – в её стране так много добрых людей и они несут в мир только радость. Не хотелось быть узнанной, хотелось быть лишь частичкой своего народа, хотелось насладиться его жизнью, такой простой и открытой. И она испытывала неопиcуемый восторг от причастности к этому миру и от всего того, что происходило вокруг.

Поодаль от центра площади, в тени старого дерева она заметила врачевателя, он сидел на маленькой подушечке, поджав под себя ноги. Рядом, вся закутанная в белую льняную ткань, сидела женщина. Перед ней лежали деревянные дощечки – карты бога мудрости Тота и несколько разноцветных камешков, с помощью которых она, вероятно, гадала. Карты же были выполнены из тончайших деревянных пластинок с замысловатыми рисунками.

Гадалка скучала. Люди веселились, и никому не было никакого дела до её ремесла. Они приходят к ней, когда им плохо, когда страдания и горе изъедают их души. Вот тогда при-

ходят к гадалке как к своей последней надежде, чтобы услышать от неё успокаивающие слова: «Твои беды недолги, и скоро ты встанешь с колен и поднимешься, как ростки ячменя, с новой силой».

* * *

Нефертити подошла к гадалке и присела, подогнув под себя подол недорогого платья. Женщина подняла глаза. Приветливая улыбка осветила немолодое, но приятное с милыми чертами лицо. Вероятно, в молодости она была жрицей одного из храмов – Исиды или Баст. Лицо, испещрённое мелкими морщинками, располагало к беседе. Казалось, её добрые и такие умные глаза поймут и помогут во всех житейских делах, и Нефертити, не задумываясь, протянула гадалке колечко сестры и попросила погадать.

«Ничего плохого не случится, я только узнаю, что готовят мне боги», – подумала она. Самый главный вопрос, что терзал и разъедал её душу, как ржавчина разъедает такой дорогой материал, как железо¹⁸, – родит ли она сына, наследника. Без него её власть по праву первой жены эфемерна, и в любой момент любая из жён может стать первой. Стоит только фараону, Божественному Аменхотепу, погладить по голове кого-нибудь из отпрысков и сказать: «*Ты мой наследник, и*

¹⁸ Железо в период восемнадцатой династии – очень дорогой материал.

твоя мать первая в моём доме».

Но даже не этого боялась Нефертити. Она боялась умереть безвестной, как её мать, где-то в гареме, никому не нужная и всеми забытая. Нефертити хотелось, чтобы её земной путь был красивым и полным, хотелось любить и быть любимой, и тогда жизнь после ухода в царство Осириса будет такой же сладостной и значимой. А ещё она мечтала, чтобы о ней помнили и говорили с восхищением, как о Хатшепсут, которая была не просто фараоном-женщиной, а властителем Великого Египта целых двадцать лет! Нефертити всегда с лёгкой тенью зависти думала о Хатшепсут, которая оставила своим потомкам сильное государство, раскинувшееся *«от края до края земли её»*. Хатшепсут строила храмы и стелы, и теперь её имя ежедневно проговаривалось жрицами в этих храмах и устремлялось в вечность. Но Нефертити знала – она хрупка, слаба духом и подобные деяния не для неё.

«Произнеси моё имя, и я буду жить вечно, – часто шептала Нефертити старую истину и всегда после этих слов печально добавляла, – но кто же будет произносить моё имя, если я умру в безвестности?»

Поэтому Нефертити давно решила: главное – любить и услаждать мужа так, чтобы никто не смог занять её место. И она должна оправдать надежды Аменхотепа – она должна подарить ему сына. Должна!

– Как зовут тебя, прелестное дитя? Но если не хочешь, чтоб я знала твоё имя, не говори, – произнесла гадалка. Голос был низким, но приятным. Она посмотрела на Нефертити взглядом всё понимающего человека. – Что привело тебя ко мне, любимый заставил плакать тебя и не спать всю ночь?

– Нет. Всё хорошо. Муж любит меня. Но мне бы хотелось узнать, что ждёт меня в этом мире? Будут ли боги добры ко мне и подарят ли мне сына. Я очень его жду, от него многое зависит в моей жизни!

– И не только в твоей, о приятная голосом, – сказала женщина, пристально вглядываясь в Нефертити. – Судьба многих людей, близких тебе и далёких, и твоя жизнь зависит от этой крохи, которую ты носишь сейчас под сердцем!

Брови Нефертити удивлённо поднялись, а гадалка спокойно продолжала:

– Не пугайся, дитя. Да, ты носишь ребёнка, и надеждам твоим не суждено сбыться – это девочка! – Нефертити вздрогнула, мороз пробежал по коже, словно она услышала страшный приговор, словно зияющая бездна разверзлась, и она на краю этой бездны.

– Но! – продолжала гадалка, будто не замечая её состояния. – Она будет так прекрасна и так любима своим отцом, что все твои страхи развеются, и ты никогда не пожалеешь,

что носила под сердцем эту кроху. А надо сказать, красавица будет удивительная! – Гадалка улыбнулась. – Ни одно дитя не займёт в твоей жизни большего места, чем эта малютка. И хоть жизненный путь она пройдёт небольшой, но он будет полон таких радостей и горестей, каких иные не испытывают за целые столетия. Благословенное рождение, безмятежное детство, раннее замужество, раннее вдовство, и неожиданная прекрасная любовь, какой ещё не было в этом мире! Предательство, горе, отчаянье и третий муж, но это, скорей будет бегство от судьбы, чем любовь. Муж-отец, муж-брат, муж-слуга, а потом забвение на долгие, долгие годы...

Увидев, как изменилась в лице сидящая перед ней женщина, гадалка не прервала свою речь, а, лишь помолчав, добавила:

– Но не печалься, её имя после долгого небытия вспыхнет яркой звездочкой, его будут произносить, лаская слух богам, и оно останется в веках! Её будут помнить, пока солнце сияет на небосклоне.

– Ты говоришь о том, о чём я не просила! Откуда ты знаешь, что я жду ребёнка? Я сама в этом ещё неуверена. – Нефергити нервно перебирала простенькие чётки сестры. – И разве можно предсказать судьбу не родившегося малыша? Только богам подвластна жизнь и смерть. Они ревностно хранят свои тайны и могут покарать меня за подобное любопытство!

– Могут! Если речь идёт о простом смертном, а не о рав-

ном богам. Твоя дочь трижды взойдёт на престол Гора как его жена. Но только второе восхождение даст ей истинное счастье и настоящую любовь, которую она будет оплакивать до конца своих дней... – гадалка не успела договорить, Нефертити побледнела, чётки выпал из рук...

Гадалка лишь успела подхватить обмякшее тело царицы.

– Ну вот, испугала бедняжку! – прокряхтел, вставая, старик-врачеватель. Он положил заскорузлую руку на шею «бедняжки». – Жива! И то хорошо, ведь недавняя красавица от твоих предсказаний, по-моему, и дня не протянула. Сколько тебе можно говорить: «Не пугай их правдой». Видишь, как плохо им от твоих слов? Придёт время, сами всё узнают. А то смотри, – он погрозил гадалке скрученным пальцем, – попадётся кто-нибудь из дома фараона и наговоришь ему правды, которой ему знать не захочется, тогда и тебя, и меня сожгут заживо, и развеют наш прах над Нилом, как было с Ментуии. Помнишь? А он, слепой дурак, всё себе усыпальницу готовил. Вечной жизни захотел! Саркофаг приобрёл, ну словно фараон. А где теперь его Ба¹⁹ найдёт своего Ка²⁰, а? – ворчал старик.

Он бережно приподнял голову красавицы и положил на подушечку, на которой до того сидел сам. Намочил льняной платок из стоявшего рядом кувшина, положил ей на лоб и

¹⁹ Душа-проявление – птицей мент покидала гробницу и путешествовала по небесам, и в подземном царстве.

²⁰ «Двойник» – физическое проявление тела, обитал в гробнице.

стал обмахивать небольшим свитком папируса, на котором записывал обращения к богу врачей Хонсу.

– Кожа у неё, как лепесток лотоса, гладкая и прозрачная. Пальчики, как у младенца, такие нежные, наверное, никогда не знали никакой работы. А посмотри на эти волосы! Какой они красы – чистая тебе богиня! – не унимался старик.

Красивых дев в стране Кеми немало, но та, что лежала перед ним, была необычно красива. Нежный овал лица с точеным носиком, с большими миндалевидными глазами, над которыми птица Маат²¹ раскинула два своих смолёных крыла, и розовые губки чуть приоткрытого ротика обнажали два ряда белоснежных зубов. От неё исходил тончайший аромат юности и дорогих благовоний. Этот аромат кружил и дурманил старику голову, возвращая его в то далёкое время, когда он сам был молод и свеж.

– А запах! Запах, словно все лавки города открыли сосуды с благовониями, – прошептал он, глубоко вдыхая аромат молодости. – Смотри, она приходит в себя!

– Как ты себя чувствуешь, дитя? – спросила гадалка. Всё то время, пока старик корпел над красавицей, лечил и обмахивал её, дышал ею и выстраивал умозаключения, она молча наблюдала за ней. – Я напугала тебя?

– Нет! – пролепетала та, проводя рукой по лбу и убирая льняной платок. – Наверное, жара или мой обморок только подтверждает мои догадки и правоту твоих слов, умная жен-

²¹ Богиня правды, изображалась птицей, раскинувшей свои крылья.

щина: я действительно жду ребёнка!

Нефертити не хотелось признаваться, что предсказания слишком напугали её. Откуда эта уличная гадалка могла знать, что её ребёнок, ещё не родившийся, равен богам, что его отец – сын Гора? Да и сами предсказания были нерадостны – надеждам вновь не суждено сбыться. Это очень напугало Нефертити, и ещё больше укрепило в желании узнать свою судьбу. «Может быть, сказанное гадалкой поможет мне в нелёгкой жизни в гареме, где плетутся бесконечные интриги, и каждый день можно ожидать яд в кувшине с водой, нож в спину, клевету соперниц или просто быть замурованной в лабиринте дворцовых коридоров, потайных ходов так, что никто и никогда даже при большом желании не найдёт меня там? Жизнь в гареме – опасна, а я любимая жена. Пока! Как долго продлится его любовь? Не появится ли более красивая?»

Да, она должна знать всё! Если знать, чего опасаться, всегда можно принять правильное решение или быть хотя бы на шаг впереди врагов.

Что суждено ей в этой жизни?

За жизнь в царстве Осириса она не страшилась. Нефертити знала, что к его трону её бессмертную душу поведёт Ану-бис – бог с телом человека и головой шакала. Он же взвесит её сердце на весах истины, скажет, чего она совершила больше – добрых или злых дел. А перед взвешиванием сердца она должна будет поклясться Осирису, что не совершала

ни одного из сорока двух смертных грехов, и произнести: «Я чиста».

«Я чиста, я чиста! – твердила себе Нефертити, – я творю только добро, никому не желаю зла! Заступаюсь даже за самого большого грешника! Меня не сожрёт чудовище с головой крокодила! Нет! Мне позволено будет вступить на поля Иалу, где я буду вечно молодой и красивой. Это будет потом, а сейчас я должна знать всё и быть готовой ко всему, что мне предстоит в земной жизни».

– Погадай мне, пожалуйста, – попросила Нефертити, протягивая гадалке медный браслет со своей руки. – Что ждёт меня? Скажи всё, не тая, я ничего не боюсь.

– Я погадаю тебе с большой охотой...

Гадалка взяла карты Тота и попросила Нефертити сдвинуть левой рукой на себя любые семь дощечек. Царица с интересом и с затаённым страхом проделала этот несложный ритуал. Семь карт Тота теперь лежали перед ней, как семь предсказаний Хатхор, семь вестниц её жизни. Что скажут они? Откроют ли все тайны? Нефертити, затаив дыхание, вопросительно посмотрела на гадалку.

Та же, взяв первую карту, посмотрела на Нефертити, закрыла глаза и стала покачиваться из стороны в сторону, из груди её вырывались какие-то невнятные звуки, словно тростниковая дудочка играла у неё во чреве. Временами она открывала глаза, закатывала их и, вновь закрывая, продолжала сипеть всем телом. Нефертити с интересом наблюдала

за происходящим. И вдруг гадалка пристально, не мигая, посмотрела на царицу так, что у той мороз пробежал по коже, и, положив, карту принялась вещать:

– Ты проживёшь долгую, очень долгую жизнь! Но карта противоречива, – она указала на изображение павиана в обрамлении ростков пшеницы. – Всё в твоей жизни переменчиво и непостоянно. Ничто в жизни не зависит от тебя, и хоть ты очень умна, но всегда стоишь второй и твоё слово говорится не твоими устами. Но пройдёт время, и ты, подобно ростку пшеницы, как Осирис, оживёшь с новой силой, которую уже нельзя будет остановить, и будешь первая в вечности! – Произнося это, гадалка заметила, как гордая улыбка промелькнула на лице красавицы. – Своему вознесению будешь обязана неожиданной любви, которая, как свежий северный ветерок, ворвётся в твою жизнь и наполнит её сладостными мгновениями счастья. Но берегись, деточка! Любовь может быть и испепеляющим ураганом, который пронесётся по твоей судьбе и доставит немало страданий!

«Правду говорит, – думала Нефертити. – Я вознеслась и приблизилась к богам благодаря любви ко мне Аменхотепа. Я вторая после него, и мои уста закрыты, а всё, что хочу сказать, шепчу ему на ушко ночью. Но почему она говорит, что любовь эта неожиданная и почему «испепеляющий ураган»? Наша любовь спокойна и в самом деле похожа на северный ветерок, что дремлет у порога, а просыпаясь, поёт нам сладкую песню любви. А когда же я оживу с новой силой... после

смерти, что ли?»

Подобное не очень-то устраивало Нефертити. Она хотела всё сейчас, не откладывая на долгое счастье, в царстве Осириса.

– Эти зелёные ростки пшеницы указывают на то, – продолжала гадалка, – ты после своего воскрешения всегда будешь первая, и тот, о ком говорят: он бог, будет всего лишь твоим спутником жизни. Он прославится только тем, что был с тобой и следовал твоим советам!

«Да, он без меня как дитя», – задумалась над сказанным Нефертити.

Во многом из того, что говорила гадалка, угадывалась правда. Её муж и брат великий фараон Аменхотеп IV должен сказать «нет!» жрецам Амона, но медлит...

Жрецы Амона имеют всё, но требуют большего – они хотели бы видеть Египет подвластным только себе. Их уже не устраивают подарки в виде золотых колесниц или богатых усыпальниц, им нужны целые номы²²! Они повышают дань, «царские люди» работают на их полях в три раза большее, чем на полях самого фараона! Народ стонет и ропщет.

Прокормить и угодить только тем, кто обслуживает Амона, становится с каждым годом всё трудней, а с ними ещё несметные полчища жрецов других богов начиная от Исиды и заканчивая богами животных. Однажды Нефертити решила подсказать любимому мужу идею единобожия, как в дру-

²² Провинции.

гих странах – соседях. Её прекрасная мысль долго не находила отклика в его сердце, но сами жрецы с каждым днем становились всё наглее – будто проверяли каждым своим шагом, каждым словом терпение фараона.

И Аменхотеп уже был готов пойти на открытую войну, но, как всегда, медлил! Вероятно, ей придется направить его силы на борьбу со слугами Амона. А борьба предстоит нелёгкая. Нефертити хорошо осознавала это: жречество не отдаст власть над душами людей.

«Значит, я останусь в веках как первая, кто скажет жрецам: „Нет!“ – горделиво решила про себя Нефертити. И тут же, задумавшись, с грустью добавила, – но тогда кто же будет помнить обо мне, кто будет петь песни в храмах Амона, воскуривать фимиам, восхваляя и повторяя моё имя, чтобы я жила вечно, если не будет самих жрецов?»

* * *

В то время как Нефертити склонилась над картами, за ней, не отрывая глаз, следил мужчина лет двадцати. Одежда его была проста: на голове белый платок, завязанный, как у фараона намес, набедренная повязка ловко подхватывала стройный стан. На нём не было ни парика, ни золотых украшений, лишь кожаные сандалии указывали на его не совсем простое происхождение. Скорее всего, он принадлежал к касте мастеров. Он стоял, опершись о ствол дерева, сложив на

груди руки, и, подобно богу, взирал на происходящее.

Тутмоса мучили сомнения; красавица, что сидела подле гадалки, была очень похожа на «грёзы его снов», на ту, о которой он мечтал, о которой думал каждое мгновение. Её образ в его сознании был настолько чётко запечатлён, что он выхватил бы его сияющую красоту из тысяч других женских лиц. Но как царица могла очутиться здесь? Одна? Без охраны? Да ещё в такой день? Нет, это не могла быть Нефертити. Или это её сестра, говорят, они похожи, или где-то поблизости всё же есть охрана?

Осмотрелся: ни на площади, ни рядом с храмом, ни на улицах он не заметил людей, похожих на охрану царицы.

Всё как обычно: многоликая толпа, одетая более чем просто, и только кое-где были видны богатенькие, пришедшие поглазеть на праздник и показать себя, и своё богатство. Они увешаны золотом с ног до головы, на головах тяжёлые парики, из-под которых струйками стекал пот, застилающий им глаза. Эти люди так горды собой, своей значимостью в этом мире, что, появившись сейчас здесь даже сам фараон, возможно, никто из них и не заметил бы его присутствия, не говоря уже об одной из него жён.

«А, может, это не она?» – засомневался Тутмос.

Обычно женщин фараона охраняли рабы-евнухи, здоровяки-кушиты, и не заметить их даже в такой людный день – невозможно.

«Если это царица, то где-то должны быть и кушиты. Не

могли оставить царицу одну без охраны», – размышляя, Тутмос оглядывался по сторонам. Но никого – ни рабов, ни соглядатаев – он не заметил. И в нём росло жгучее любопытство.

Ему хотелось подойти ближе и услышать её голос, хотелось вдохнуть запах её благовоний, дотронуться до полы платья и припасть к божественным стопам. Хотелось целовать след её сандалии и остаться навечно рядом с ней, пригвождённым метким копьём кушита.

Он с радостью бы пал, сражённый этим копьём, к её ногам, лишь бы она обратила на него царственный взор! И удивлённо подняв, брови спросила бы: «Кто ты?» А он, умирая, на последнем вздохе, произнесёт: «Я Тутмос! Люблю тебя, Божественная!»

И это так мучительно жгло ему душу и с каждой мгновением становилось всё невыносимее, что он еле сдерживался, чтобы не броситься к её ногам.

Но всё же трепетное отношение к ней – она *жене царёва* – не позволяли ему приблизиться на непочтительное расстояние.

Поэтому он продолжал стоять, то складывая руки на груди, то нервно перебирая пояс, подхватывающий набедренную повязку, и не спускал с неё глаз...

Когда солнце уже клонилось к закату, Нефертити поднялась, простилась с гадалкой и пошла к храму. В какое-то мгновение Тутмосу показалось, что он потерял её: царица

была так невелика, что ей легко было затеряться среди толпы. Тутмос забеспокоился: «О, Боги! Сейчас выведут Аписа! Толпа! Её же раздавят!» Он бросился за ней...

С пилонов храма трубы возвестили о выводе народного любимца – чёрно-белого быка Аписа. И все с радостными криками устремились к храму.

Тутмос не отставал от неё ни на шаг. Он уже был уверен – царица одна, и в нём проснулось чувство, подобное льву, охраняющему прайд. Он готов был разорвать каждого, кто обидел бы Нефертити.

Из ворот храма жрецы вывели Аписа, и неистовая толпа бросилась к нему. Считалось, что прикосновение к священному животному сулило избавление от всех недугов и удачу на долгие годы. Вот каждый и норовил дотянуться и погладить быка. Неготовая к тому, что люди ринутся к священному животному, Нефертити растерялась и оказалась затянутой в самую гущу толпы. На неё давили со всех сторон липкие от праздничных натираний и благовоний тела людей, каждый из которых старался протиснуться вперёд. Они все что-то кричали и тянули руки. Людской поток нёс её, и казалось, что никакая сила не могла бы его остановить. Она пыталась сопротивляться, но тщетно, с каждым мгновением дышать ей становилось всё тяжелее, от страха подкашивались ноги. Нефертити поняла, что в толпе она никто: ни царица, ни жена фараона, а одна из простых смертных. И если её сейчас задавят, затопчут, то даже не приготовят *сах*,

просто завернут в льняной саван и закопают где-то в песках, как простолоудинку. Никому и в голову не придёт, что это Нефертити – любимая жена фараона!

Охватил ужас – она погибнет вот так в этой беснующейся толпе, и никто не прольёт слёзы над её изувеченным телом. Перед глазами промелькнули миленькие личики дочек. Как-то сложится у них судьба без матери, без защиты в этом змеюшнике – царском гареме?

И не успела Нефертити ещё раз пожалеть себя и детей, как сильная рука, обхватив стан, выдернула её из толпы и увлекла за собой. Вдохнув полной грудью и бессознательно поправляя платье, она подняла глаза на своего спасителя...

О молодость, молодость! Только что смерть раскрывала ей свои объятия, и Нефертити готова была войти в царство мёртвых, но не прошло и мгновения после невероятного спасения, как она уже забыла о боге Осирисе.

В лучах заходящего солнца перед ней стояло живое воплощение бога: великолепное тело цвета бронзы, с гигантским разворотом плеч, с красивыми, сильными руками. Юноша был похож на превосходную статую лучшего мастера – Создателя. И более прекрасного творения Хнума²³ ей никогда не приходилось видеть!

Они молчали... В душах бушевал хаос... Хатхор²⁴ пора-

²³ Одно из воплощений бога-творца, создал человека из глины.

²⁴ Богиня любви.

жала их сердца огненными стрелами любви, а коготки Баст²⁵ впивались в них.

В мгновение уместилась вечность, и незримая связь, как лунная дорожка, пролегла между сердцами. Нефертити казалось, что она знает его всю жизнь! Это он врывается к ней во сны, которые она гонит от себя, когда просыпается, но вспоминает, когда восходит на ложе фараона, чтобы одарить его увиденными во сне ласками. И это именно он был в её девичьих грёзах до того, как она вошла в дом Аменхотепа. Именно его она ждала, но не дождалась...

А Тутмос был поражён хрупкостью тела, которое он только что спас. Ладони, щёки горели – он посмел прикоснуться к ней, к божественной жене Гора. Но может, это вовсе и не царица?

Как истинный художник, он смог по достоинству оценить её красоту: тонкая и гибкая, словно папирус, нежная, полная изяществ и гармонии. И от него не укрылось, как вспыхнули её глаза и наполнились каким-то невероятно тёплым блеском... Она словно восторгалась и улыбалась ему глазами.

«Это она?! – вихрем проносилось у него в голове. – О боги! Какие глаза!»

«О боги, – стучало у неё серебряным молоточком в мозгу, – о боги...»

Время шло, а они продолжали стоять, не видя никого и ничего вокруг, словно подхваченные солнечным ветром они

²⁵ Тоже богиня любви в виде кошки.

взмыли над миром, и там высоко-высоко кружились в одиночестве, видя, только глаза друг друга.

Он не замечал и того, что её рука всё ещё покоилась в его большой ладони.

– Кто ты? – улыбаясь, спросила она, осторожно высвобождая руку.

«Она прекрасна... улыбка очаровательна... уголки губ чуть поддёргиваются, а голос... голос, как песнь соловья на утренней заре... она что-то сказала... Что она сказала?» Тутмос словно лишился дара речи. Он промычал в ответ, как гигантская статуя фараона²⁶, которая по утрам издаёт тревожные звуки над долиной, что расстилается у её ног.

Тутмос окаменел, он боялся пошевелиться. Происходящее было видением, сном. Он стоял как истукан, и только мозг скульптора сосредоточенно работал: он запоминал каждую чёрточку, каждый взмах ресниц и все линии, и пропорции её лица. Тутмос впитывал, запомнил всё и зримо наслаждался ею целиком, и каждой чёрточкой отдельно.

– Этого не может быть! Ты немой? – не дождавшись ответа, переспросила она, и осматривая его достаточно откровенно. Она уже немного оправилась от потрясения, и обычное игривое настроение вернулось к ней. – Жаль, – сказала она уже скорей самой себе, – а такой красивый, как бог!

От этих слов у Тутмоса перехватило дыхание. Если до тех

²⁶ Так называемые Колоссы Мемнона, статуя Аменхотепа III по утрам издавала протяжный стон.

пор он напоминал статую, издающую хотя бы мычание, то сейчас он превратился в сфинкса с ничего не выражающей глупейшей улыбкой на лице. А Нефертити не унималась:

– Немой спаситель! Это хорошо! Не скажешь никакой глупости, и не расскажешь никому, как спасал царицу Египта.

Жаром окатило Тутмоса: «Я был прав!»

– Вот посмеёмся с Бенремут – меня спас немой... – Она продолжала что-то щебетать, а Тутмос ничего не слышал, он был поражён тем, что произошло, и наслаждался тем, что видел пред собой...

Эти несколько мгновений озарили их, наполнили сердца лучезарным светом и полностью изменили их жизни...

* * *

Но вдруг вспомнив, что ей не следует даже заговаривать с простолудином, она холодно, как подобает царице, поблагодарила Тутмоса за спасение и, резко повернувшись, пошла по уже опустевшей улице.

Тутмос так и остался стоять, смотря ей в след. Оцепенение прошло только после того, как знакомый мальчишка, пробегая мимо, окликнул:

– Ей, Тутмос, чего стоишь?

Тутмос проводил взглядом убегающего мальчугана, повернулся и побрёл обратно в свою мастерскую. В его голове зарождалось нечто, чему ещё не было названия, но он чув-

ствовал, что идея начинала развиваться и обретать вполне зримые формы. И эта работа мозга заставляла всё его тело двигаться быстрее и быстрее. Чем осознанней и ярче становился образ, тем быстрее он шагал. Вскоре он уже бежал, легко преодолевая любые преграды на пути: людские заторы или какие-либо нагромождения на улице из колесниц и корзин с продуктами. В голове стучало: «Мне нужно её ваять! Сейчас, пока я помню, пока свежи в памяти черты. Ваять! Сейчас! Завтра будет поздно! Мне не нужен больше розовый гранит. Гранит не передаст всей нежности её кожи, красоту и цвет её губ и глаз, а этот чарующий румянец... Нет, я сделаю бюст из самого простого материала – известняка и раскрашу его. И не надо ждать платы за усыпальницу! Как я раньше об этом не догадался! Как я раньше об этом не подумал! Сколько потеряно драгоценного времени!» И он, окрылённый творческой идеей, ослепившей его сознание, бежал через весь город к себе, в деревню мастеров.

Вдохновлённый, Тутмос вбежал в мастерскую, расчистил место и набросился на работу с рвением приговорённого к смерти человека, которому осталось жить до завтрашнего утра, а сделать надо так много!..

Два дня он не выходил из мастерской, забыв о сне, позволяя себе передышку, лишь когда подсыхал материал. Без отдыха глаза воспалились, а тело ныло от усталости. Но глоток воды, кусок ржаной лепёшки, и он вновь за работой.

Поначалу он не знал: оставить голову царицы непокрытой,

как у простолюдинки, или всё же покрыть царской тиарой, той, что была на ней в день, когда впервые увидел её. Оставить образ царицы без надлежащего атрибута власти нельзя! Но без него она была милее ему в сотни раз...

Тутмос выполнял эскиз за эскизом, и хоть форма получилась сразу и задумка отвечала всем канонам, но что-то в образе не соответствовало оригиналу: то она получалась простушкой, то, наоборот, лик её был суров, и в нём не было гармонии. То она не имела царственной осанки, то весь её облик указывал на то, что это царица, и она была столь надменна и холодна, а такой образ никак не устраивал самого Тутмоса. Разбив последнюю из заготовок, он впал в отчаянье. Неужели он никчёмный ваятель не в силах создать всего лишь образ любимой им женщины? Да, он видел Нефертити всего несколько раз, но каждая чёрточка её лица врезались в память так, что он может с закрытыми глазами вылепить её всю. Но что же в её облике ускользает от него, что неподвластно его мастерству? Если то, чему его учили, не способно передать очарование глаз, красоту её лица, мягкость линий и их совершенство, то тогда зачем это мёртвое искусство? Или оно только для того, чтобы лепить статуи и барельефы в усыпальницах? Нет, он должен создать Нефертити такой, какая она предстала пред ним – живой, озорной девчонкой; хоть она и мать троих детей, но стройна, как лань и так прекрасна! То, чем наградили её боги, он обязан воплотить, ничего не уменьшая и не приукрашивая. Он дол-

жен передать непостижимое величие и чарующую женственность. Но как?

Ответа не было. Всё, что он умел, – лепить бюст и скульптуры, которые или охраняли покой мёртвого, или были вместе с ним вместилищем его души. Но в бюсте Божественной ему хотелось видеть и дыхание жизни, и то внутреннее сияние, которым был наполнен весь облик царицы...

Обхватив голову руками, Тутмос сидел, раскачиваясь из стороны в сторону...

Отчаянье поглотило его целиком – нет способов передать всю красоту царицы Нефертити! Ничто не может сравниться с ней, и он не может вдохнуть жизнь ни в одну из её копий!

Но не успели звёзды сменить друг друга на небосклоне, он решил – не станет делать как надо, как его учили старые мастера, как делают все. Нет! Он сделает так, как велит ему сердце, как никто и никогда не делал до него! И работа закипела с новой силой, с новым вдохновением.

Он ещё не знал, как это будет, но чувствовал – то, что собирается сделать, до него не делал никто! Это образ любимой, на чей лик он сможет любоваться звёздными ночами и приветствовать по утрам. Создаст для себя! Неслыханно, но эта скульптура не будет служить для заупокойного культа, она будет служить для него – живого человека! Создаст, чтобы наслаждаться её образом, чтобы она всегда была рядом и радовала бы улыбкой. Эта крамольная мысль жгла душу. А маленький человечек, сидящий в нём, шептал: «Остано-

вись! Не делай этого! Это опасно! Тебя покарает рука Тота и недремлющее всевидящее око Гора».

Другой голос – сильного и окрылённого любовью человека – говорил ему: «Делай! Делай всё, как считаешь нужным, и ты будешь самым счастливым в этом мире и прославишься в веках!»

Необычайно взволнованный упоительным чувством творчества, он беспокойно метался из угла в угол по тесной мастерской: то готовил материал, то верстак, на котором вновь будет ваять, то останавливался, вспоминая и мысленно прорабатывая каждую линию, каждый изгиб, каждую чёрточку. И снова берёт материал и почти бессознательно делает этюд, воплотивший в себя все муки творчества, всю страсть и любовь, желания и сомнения. Тутмос творил всю ночь, не отрываясь и не поднимая головы до утра...

Закончив работу, он уснул, уснул сном праведника, исполнившего свой долг, сном самого счастливого человека, а на верстаке стоял бюст Нефертити. «Прекрасная пришла» была создана в порыве величайшего вдохновения и неземной любви.

* * *

Нефертити вернулась во дворец и поспешила в купальню рядом с искусственным озером. Единственное место, где сёстры могли проводить время в уединении. Здесь Бенремут

ждала её возвращения, переживая, что кто-либо разгадает их маленькую хитрость.

Рабыни сняли с Нефертити платье и простенькие украшения, а она стояла безучастно, задумавшись, глядя на воду. Коснувшись пальчиками ноги спасительной влаги, царица только сейчас почувствовала, как она устала. Она опустилась в золотую ванну. Вода приняла ласково. Рабыни закурились, предлагая напитки, кушанья и сладости, а Нефертити принимала всё как во сне, сердце её было далеко: там, на пыльных улицах, где мир был совсем иным, и где впервые она ощутила странное волнение, ранее неведомое, но такое сладостное! Что-то необъяснимо томило душу... И образ спасителя не покидал её...

Бенремут взглядом приказала рабыням удалиться.

– Как погуляла, моя прекрасная странница? – с улыбкой спросила она, когда они остались наедине.

– Я гадала, – ответила Нефертити.

– Так ты нашла её... она гадала на косточках или на камешках? – спросила сестра.

Ответа не последовало. Нефертити словно утонула в своих мыслях. Бенремут терпеливо ждала. Она знала сестру: захочет – расскажет, а нет – и под пытками ничего не добьёшься.

Помолчав немного, Нефертити поведала сестре о том, как гуляла по городу, как гадала; и о том, как толпа ринулась к священному быку, и она попала в кольцо людей, и уже го-

товилась было к смерти, а её полумёртвую вырвал из толпы молодой и красивый, словно бог, немой.

– А с чего ты взяла, что он немой?

– Он не отвечал мне.

– А ты никогда не видела, конечно, как люди молчат от страха?

– О, боги, чем я его напугала? Не сказала ничего плохого. Да и как ему скажешь, ведь он такой!.. – произнесла она чуть слышно, закатывая при этом глаза, и пугаясь того, что сказала.

– Да ты влюбилась, цветок моей души!

– Тсс... – приложила палец к губам Нефертити и шёпотом добавила. – Мне хочется увидеть его ещё разочек! Но ни имени, ни кто он, я не знаю.

– Но мы знаем, что он немой, – улыбаясь, сказала Бенремут.

– Прикажи найти его!

* * *

На следующий день царские слуги искали «немого» в городе и за его пределами. Более десяти немых собрали на хозяйственной половине дворца и приказали ждать. Кто-то плакал, боясь, что никогда уже не увидит своих детей, так

как считалось, что суд только в одну сторону.²⁷ Кто-то молча ожидал своей участи. Но каждый из них искренне был уверен – он совершил что-то неуютное Божественному фараону. И будет наказан. А в это время сёстры, спрятавшись за колоннами, высматривали того, с кем случилось встретиться Нефертити.

– Нет, его здесь нет, – раздосадовано прошептала Нефертити.

– Ты уверена, цветок моего сердца? Вон у стены стоит очень красивый немой.

– Нет, что ты! Мой немой, как Осирис, а этот больше похож на его брата Сета, – сказала Нефертити, поворачиваясь и прижимаясь к колонне спиной. – Нет, его здесь нет! Наверное, он приходил на праздник из какого-нибудь отдалённого нома, попробуй найди его теперь!

Она повернулась, бросила ещё раз беглый взгляд на несчастных немых, что боязливо жались к стенам, ожидая своей участи, и в сердцах сказала:

– Всё, отправь этих убогих, они мне надоели! – И слёзы отчаяния серебряными капельками покатались из глаз: «Никогда мне не увидеть моего немого, и никогда он не вспомнит обо мне. Что я в его жизни? Всего лишь случайная встреча, несчастная, которую он вырвал из рук смерти, ведь он даже не знает, кого спас!»

²⁷ «Есть только вход, выхода нет», – так говорили египтяне о судебной системе в своей стране.

* * *

Но если бы она только знала, что в то время, как она проливала слёзы отчаяния, тот самый «немой» творил её бюст, подобно одержимому, забыв обо всём на свете, кроме милого образа – её образа – самой прекрасной для него женщины.

Глава 2

Фивы. День чествования быка Аписа. Гадание, карта вторая

Гадалка отложила первую карту и открыла следующую, немного помолчав, окинула взглядом красавицу. В глазах застыл вопрос: стоит ли говорить, что суждено, сможет ли это нежное создание устоять в тяжёлых жизненных испытаниях. Не сломится ли она от страшных пророчеств?

– Говори! – требовательно произнесла Нефертити. – Многие считают большой привилегией знать день и час своей смерти. Я не боюсь!

– Дитя моё, я не вижу близкой смерти для тебя, но проклятие богов лежит на тех, кто рядом с тобой. В доме твоём скоро увянет один из цветов лотоса...

– Что?!

– Погибнет ребёнок, и когда ты меньше всего будешь ожидать, увянет и второй, – печально произнесла гадалка. У Нефертити сжалось сердце, а гадалка украдкой смахнула набежавшую слезинку, голос её дрогнул, но она продолжала. – Болезни и смерть окружают тебя и идут за тобой неотступно, – произнесла тихим голосом, переворачивая карту с

изображением Анубиса, скрестившего руки на груди в ожидании. А рядом с ним величественные статуи, но не богов, а юношей с прекрасными лицами и два цветочка лотоса. – Ты много раз будешь стоять у врат Осириса, но откроют их для тебя гораздо позже твоих детей...

Нефертити содрогнулась от ужаса, но не подала виду. Только выше подняла голову, как будто приготовилась принять удар судьбы именно сейчас. Но она даже представить не могла, какие беды и страдания предвещала ей гадалка.

Старик-врачеватель тяжело вздохнул, развернул свиток и записал: «Лишь на закате жизни человек может оценить пройденный им путь и сказать: *„Я был счастлив, я не пережил своих детей, не терял родных и близких, не совершал ничего подлого, и никто не проливал слёз по моей вине“*. Когда виден конец жизненного пути, человек понимает, что в этом мире всё суета: и борьба за власть, и борьба за веру, и за место под солнцем – всё пустое. Ценно только то, что он оставляет после себя – ростки своей жизни. А в жизни каждому нужно всего ничего, это много и мало, это целый мир – это любовь!»

Три дня спустя

– Горе, о боги, какое горе! – рыдая, вбежала в тронный зал Бенремут. – Свет моих глаз... Сестра моя, горе опустилось на наш дом! – Она рухнула на пол, как подкошенная.

– Что? Что случилось? – Нефертити подбежала к ней, пытаясь поднять.

Бенремут не унималась, рыдания раздирали её, не давая сказать ни слова. Нефертити не выдержала и закричала:

– Говори! Что?

– Наша малышка... наша малышка одна из близняшек, она вся горит, и я... и я ничего не могу сделать!

– Давно?

– Уже день, – всхлипывая, прошептала Бенремут. – Врачи сказали: «Здесь мы помочь не можем».²⁸

– И ты молчала! – Не дожидаясь ответа, Нефертити бросилась к ребёнку.

Пока она бежала по длинным тёмным коридорам, в голове стучало: «О боги, боги, помогите, спасите малышку. Исида, хранительница, помоги! Спаси! Амон всемогущий, защити! Спаси! Защити мою девочку...»

Но увидев дочь, она сразу всё поняла...

Нет, боги уже не помогут! Тельце малютки подёргивалось

²⁸ В Древнем Египте врачеватели должны были сразу говорить больному, могут они чем-то помочь ему или нет.

в предсмертной агонии. Пересохшие губки в страдальческой улыбке, вся бледненькая, словно лист увядшего лотоса, она с укором смотрела на взрослых, которые ей ничем не могли помочь. Нефертити схватила ребёнка, прижала к груди.

– Нет!.. Боги спасут тебя, моя маленькая... Всё будет хорошо, всё пройдёт... – слова застыли, не слетели с губ...

На последнем вздохе малышка прошептала: «Мама», – выдохнула и уснула тихо и навечно.

* * *

Обхватив дочку, прижав её к себе, своё сокровище, Нефертити долго сидела, покачиваясь из стороны в сторону, напевая ребёнку тихую песню, словно укачивая его. Слёз не было. Рыдания застыли, глаза ничего не видели. Она боялась выпустить мёртвое тельце из рук, боялась, что незримые силы подхватят его и унесут от неё далеко, далеко... навсегда. И материнское горе превратило царицу в статую, статую скорби.

«За что, за что боги отняли у меня невинное дитя? Ибис²⁹ ещё не успел записать имя дочки в «книге жизни», а Осирис и Анубис уже призывают её к себе. Разве не достаточно им было забрать к себе отца и мать, им ещё нужен и мой ребёнок? Почему боги забирают самое дорогое? Почему? По-

²⁹ Бог мудрости Тот в образе ибиса записывал имена родившихся детей в «книги жизни».

чему Исида не защитила её? Почему Амон всемогущий не остановил хлад смерти? Где они, эти боги? Куда смотрят их всевидящие очи? Они безмолвствуют и бездействуют! Так зачем такие боги, которые ничего не слышат и ничем не могут помочь?» Злость охватила Нефертити.

«Все эти бесчисленные боги только игра жрецов. Богов так много, что они не знают, кому и как править людьми, кому и когда помогать нам. Они спокойно почивают у себя в храмах, принимая дары и почести, но ничего не хотят делать для нас взамен. Так, может, нужен лишь один Бог? Всемогущий и всесильный? Тот, кто каждодневно дарит любовь людям и несёт жизнь в своих руках-лучиках? И это – бог солнечного диска – Атон!»

Укачивая мёртвого ребёнка и боясь выпустить его из рук, Нефертити пробивалась сквозь собственные горькие и вязкие мысли и понимала, что никакие силы не помогут уже воскресить дочку. А раз так, то зачем поклоняться богам – этим никчёмным истуканам!

Но в стране, где люди живут в вере, нельзя лишить их самой этой веры. Это подорвёт устои государства, а значит, и власть фараона. Взамен множества богов необходимо другое божество, более сильное и созидательное, то, что можно видеть и чувствовать, чувствовать каждой клеточкой своего естества... Солнце!

И горе укрепляло Нефертити в давней её мысли. Все мы дети Солнца! И тогда её доченька, как маленький солнечный

лучик, едва осветив землю, вновь вернётся к своему Создателю.

Эти мысли возвратили царицу к жизни. Только они не позволили матери сойти с ума от горя и отчаяния. Мысли, жёсткие, настойчивые, требовательные, наполняли её невидимой и неукротимой силой для борьбы – борьбы со жрецами. Пусть она уже не вернёт малышку, но теперь она не позволит им обманывать как себя, так и других. Она будет бороться с ними не за жизнь, которая никому не принадлежит, не за смерть, о которой они так заботятся, а за вечность, за вечное солнце, за живое его воплощение – бога солнечного диска Атона!

* * *

Нефертити отдала тельце малышки сестре. Всё то время, пока царица боролась со своим горем, Бенремут рыдала у её ног, ожидая приговора.

Бенремут винила себя за смерть ребёнка. Что недосмотрела, что не молилась Амону, и не принесла жертвоприношения Исиде-хранительнице во спасение ребёнка.

– Почему я не молилась всемогущей спасительнице?! Почему?... – твердила обезумевшая от горя женщина, и готовая теперь ко всему, даже к смерти. Её она приняла бы безропотно, с должным смирением.

Но Нефертити передала ей остывающее тело дочери и

лишь попросила позаботиться о погребении. На её лице не было и тени упрёка за случившееся.

– Наша малышка на пути к звёздам... Такова воля Создателя! – произнесла Нефертити и заплакала.

Сёстры обнялись, горе одно на двоих... И слёзы потекли безудержным потоком... Крошечное тело покоилось в сплетённых руках двух женщин, но принадлежало уже не им, а вечности...

1907 год, Берлин

В доме Людвиг Борхардта царит оживление. Выдающийся немецкий археолог и специалист по искусству и архитектуре Людвиг Борхардт наконец-то получил концессию на проведение раскопок в Египте. Местом раскопок должна стать не Долина царей, куда стремились все – от учёных-археологов, исследующих царские гробницы, до мелких ворюшек, что поставляют торговцам древностями предметы старины. И не плато Гиза влекло к себе, где величественные пирамиды только и напоминают, что о бренности жизни, и не Луксор с его великолепными храмами.

Нет! Учёный мечтал как можно скорее приступить к раскопкам в долине на Среднем Ниле, где расположилась деревня с обычным арабским названием – Тель-эль-Амарна.

1887 год, Египет

Жители деревни Тель-эль-Амарна, разбирая для своих нужд камни старинных построек, окружающие их деревню, были далеки от мысли, что они крушат «величайшую ценность». Случайно одна из жительниц деревни здесь нашла глиняные таблички, испещрённые странными знаками. Женщина отнесла их в музей древностей, но они не вызвали интереса у учёных.

Таблички снесли в хранилище, им была определена судьба забвения среди других экспонатов, если бы не чутьё молодого сотрудника. Что-то привлекло его в этих надписях. То ли аккуратность, с какой были выполнены таблички, то ли надписи на них были ещё более аккуратны, чем сами таблички, – так простые школьники не пишут. Они скорее походили на остраконы – плоские кусочки известняка, на которых упражнялись писцы.

Саид имел скромные познания в области древних языков, – все таблички были на аккадском языке, – но, его интуиция и огромное желание привнести в этот мир своё открытие, подсказали ему, что это тот самый случай, о котором мечтает каждый учёный. Интуиция подсказывала ему – он раскладывает по стеллажам не просто школьные тетради или амбарную книгу одного из храмов. Нет по меньшей мере это был дневник или отчёт вельможи фараону, пото-

му как на табличках довольно часто встречались картуши с именем какого-то неизвестного ему фараона и его жены. Щемящее и упоительное чувство открытия наполняло душу. Предчувствие чего-то великого не покидало его, заряжая неуёмной энергией. Он не поленился, и, взяв одну из табличек, на которой был ряд неизвестных ему картушей, отправился в Абидос, храм правителя XIX династии – Сети I. В этом храме Сети обессмертил имена семидесяти пяти правителей, предшествовавших его династии и, конечно же, себя самого. Имена, вырезанные на стенах храма, как заклинания, ежедневно читали вслух жрецы, чтобы усопшие чувствовали себя спокойно и счастливо в мире Осириса. В этой длинной череде имён- картушей Саид пытался найти именно те, которые были записаны на его табличке. Но ни одного картуша более или менее похожего он не нашёл.

Он знал, что в долгой жизни Египта бывали периоды, когда в одно и то же время в Нижнем и Верхнем Египте могли существовать одновременно две параллельные династии. Знал и то, что при восшествии на престол фараоны получали пять титулов: имя – воплощение бога Гора, имя – воплощение «двух владычиц», имя – воплощение «золотого ястреба», личное имя и второе имя – что-то вроде фамилии. И возможно, не все из них знали или что-то напутали составители храмового списка. Но хоть что-то должно хотя бы отдалённо напоминать надписи. Увы! Саид знак за знаком проверял картуши на храмовых стенах, но нигде не было тех кар-

тушей, которые, как ему казалось, он уже знает наизусть.

Неужели он ошибся: эти таблички и в самом деле не представляют никакой ценности, а картуши на них – это лишь блажь вельможи этого нома? «Скорее всего, – решил Саид, – эти таблички относятся ко времени наибольшей политической раздробленности и нестабильности, когда каждый номарх считал себя фараоном в своей вотчине. И тогда они не так уж важны для истории, как я посчитал, хотя и могут представлять какой-то интерес. Но это не находка века».

Саид загрустил. Ему не улыбнулась фортуна – вновь попались незначительные осколки минувшей эпохи. «Эх и глупец же я! Возомнил себя Шампольоном! Глупец! Размечтался, что таблички такие же ценные, как и те, что помогли открыть Вавилон и всё шумерское царство! Как же! Это был такой же никчёмный человечиска, как и ты, который возомнил себя фараоном. Вот и мучайся теперь с его табличками: классифицируй их и сдувай с них пыль, – злился молодой учёный на себя, свою самоуверенность. – С чего я решил, что они ценные? Ведь нашли их не в Каире, не в Абидосе и не в Луксоре, а далеко от каких-либо исторических центров в малообжитой долине! Откуда там взяться открытию века?»

С невесёлыми мыслями возвращался он домой. Кошки скреблись у него на душе, и там, где ещё вчера было упоительное чувство открытия и предчувствие чего-то великого, зияла бездна.

– Эх! Сразу было ясно – ничего интересного в них нет!

Никакой ценности не представляют! – не унимался он, – Какой я глупец! Глупец!

И, теперь проезжая по дороге, где ещё вчера он видел себя в ореоле мировой славы, он печально следил за незамысловатым пейзажем и в сердцах, чуть ли не глотая слёз, бормотал:

– Почему говорят, что удача спешит навстречу любознательным юношам? Скорее всего, она торопится к немощным старцам! Она платит им великой находкой за долгие годы ни к чему не приводящих поисков. А юных она только манит...

Перед его глазами проплывали лица знаменитых археологов, они укоризненно взирали на него с высот собственных открытий. Саид по-юношески отмахнулся от них: «Вам везло! Вы находили настоящие сокровища. И всё уже открыли, ничего не оставив мне!»

Но, ругая себя, он всё же мысленно постоянно возвращался к табличке, которая лежала у него в кармане, аккуратно завернутая в носовой платок. Там же лежал и список правящих фараонов, предусмотрительно скопированный им с оригиналов картушей в Абидосе.³⁰ Саид достал табличку и стал разглядывать её, скорее оттого, что ему нечем было заняться в долгом пути, чем преследуя уже какие-то иные цели.

Он в сотый раз рассматривал ряд картушей: две пары

³⁰ У него был собственный архив иероглифов, с которыми ему приходилось работать.

больших в центре и по три одинаковых поменьше справа и слева, так часто изображаются дети фараона от первой жены.

– Смотри ж, как высоко ценил себя этот номарх, даже детей вводил в ранг наследователей престола.

Секунда, и его осеняет: «А если это фараон, чьё имя по каким-то причинам проклято? И поэтому оно не внесено в общий реестр фараонов, которые правили до девятнадцатой династии! Скорее всего, это по времени не так далеко от Сети, коль он побоялся вставить хоть какое-то упоминание об этом фараоне! Значит!.. – Сердце гулко стучало в груди. – Искомое имя должно лежать между восемнадцатой и девятнадцатой династией!»

От этой мысли Саид чуть было не подпрыгнул. Тень великого открытия вновь мелькнула в вечерней дымке, в отсветах заходящего солнца.

Он начал мысленно перебирать в уме тех, кто был до Сети. «Рамсес I... кто же ещё?» – и усмехнулся. Усмехнулся – его старания напрасны, ведь у него в кармане, сложенный вчетверо, лежит список картушей фараонов, чьи имена он пытается выудить из памяти!

– Велик Аллах! Ах, какой я молодец! – Саид достал из кармана лист со списком и уже с улыбкой принялся сверять картуши на табличке и те, что были в списке.

Мгновенно было забыто, как ещё несколько минут назад он корил себя зазря потраченное время, и он опять пребывал в том оживлённом состоянии, какое знает каждый учёный, –

предчувствие близкой победы, предчувствие открытия.

– Так! Такое несвойственное для трона имя – Хоремхеб.³¹ Затем такое же Аи или Эйе, как правильно прочитать? Стоп! – Озноб пробежал по коже. Ладони стали потными.

Только вчера у торговца древностями он приобрёл для музея по сходной цене золотое кольцо с изображением скарабея! На внешней части кольца было выгравировано имя этого фараона – Аи или Эйе и имя его жены!

Взгляд медленно перевёл с листа на табличку, как магнитом, его влекло имя, начертанное на глине тысячи лет назад...

И вот свершилось! Свершилось то, чего он так долго ждал, то, что было смыслом всей его жизни, – вписать своё имя в книгу великих открытий!

На глиняной табличке, на той самой, которую принесла женщина из Амарны, на той, что минуту назад могла быть в чувствах просто выброшена за ненадобностью, было дважды последним справа и последним слева от больших картушей родителей – фараона и царицы – начертано имя жены Эйе! И это значит, что перед ним лежит не просто архив одного из номов и какого-то сумасбродного номарха, который в дни смуты возомнил себя фараоном. Нет! Больше, гораздо больше!

Так как картуши из храмового списка фараонов и на кольце, и на табличке имеют цепь совпадений, то это доказыва-

³¹ Хоремхеб – букв. Хор (Гор) в празднестве.

ет только одно: на табличке из Тель-эль-Амарны начертаны имена истинного фараона, по каким-то причинам отсутствующие в списке правящих фараонов, а также имя его первой жены-царицы и трёх детей, одна из них впоследствии становится царицей – женой фараона Эйе!

Власть в древнем Египте передавалась по женской линии. И если Эйе был включён в списки правителей – а власть он мог получить, только женившись на наследной принцессе, – то это подтверждало, что фараон и его дочь принадлежали к правящей восемнадцатой династии. А отсюда потрясающий вывод: «Он открыл проклятого фараона»! Того самого, о котором ходили только слухи и легенды, но не было никаких фактов и доказательств. Это имя повсеместно было вычеркнуто из анналов истории.

Радостный крик вырвался из его груди!

Саид ликовал! И сразу всё стало совсем другим. По-другому защебетали птицы. Вечернее небо, мгновение назад навевавшее ему сумрачные мысли о никчёмности его существования, вдруг озарилось яркими, радостными всполохами багрянца, и заходящее солнце не пугало больше огненностью пожарищ, а, наоборот, мирно и величаво прощалось с ним, чтобы завтра встретить его новой улыбкой дня и новыми свершениями.

Это открытие было встречено восторженно, и в необходимости раскопок в Амарне уже никто не сомневался. Но страна была бедна, и как Саид ни бился, как ни убеждал выделить деньги на проведение раскопок в Амарне, ничего не получалось, словно кто-то неведомый закрывал перед ним двери и не давал идти вперёд.

Саид отправил таблички в Париж, но там их приняли за фальсификацию. Он показывал их англичанам, но таблички не вызвали интереса и у них. Лишь в Берлине крупнейшем в то время центре ассириологии заинтересовались амарнскими письменами. Немецкие археологи и лингвисты без труда установили как подлинность, так и ценность амарнских табличек, по сути, являющихся архивом «министерства иностранных дел» фараона Аменхотепа IV. Чем-то он сильно насолил поколению живущих с ним бок о бок людей, да так, что они вычеркнули его имя из всех вещественных доказательств его пребывания на троне. Изредка встречались обрывочные записи с именем Аменхотеп IV или Эхнатон, но только косвенно: *«В шестой год царствования Эхнатона я получил хороший урожай со своих полей...»*. Все остальные доказательства его существования отсутствовали.

Газетные полосы запестрели сенсационными заголовками: «Найдены древние письма», «Тайна пропавшего фараона», «Проклятый фараон возвращается», «Открытие века!».

Толпы «искателей» заполнили некогда пустынную долину близ деревушки Тель-эль-Амарна. Были среди них и учёные, и те, кто стремился нажиться на древностях. Египет переживал новую волну грабителей.

Но оказалось, что «искателям» особенно и нечем было поживиться в Амарне. Наследием распорядилось время. В долине, где тысячелетия назад царило оживление, где цвели сады, теперь только шакалы завывали по ночам да змеи прятались в расщелинах скал. Запустение города произошло задолго до появления здесь арабов, македонян и даже ассирийцев. Город просуществовал недолго, не успел разрастись, и гробницы, зияющие провалами, никогда так и не были заняты. Лишь стелы, одиноко возвышаясь над развалинами города, молчаливо напоминая о его былом величии и о том, что именно в этом городе жил и правил фараон, чьё имя было безжалостно вычеркнуто из истории.

Искатели, не найдя здесь ничего ценного, вскоре перестали интересоваться отдалённой от основных археологических центров долиной, и потихоньку интерес к ней угас.

* * *

Но... Людвиг Борхардт, прежде чем получить концессию на проведение раскопок в Тель-эль-Амарне, долго исследовал труды Уильяма Флиндерса Питри, знаменитого английского египтолога, прошедшего в Амарне уже несколько сезонов. С 1891 года Питри проводил планомерные раскопки и проделал огромную работу, но не достиг каких-либо значимых результатов. А Людвиг Борхардт считал, что пески в долине скрывают многое и лишь ждут того, кто сможет приоткрыть покров вечности. Возможно, именно он, и будет тем, кому пески откроют свои тайны...

* * *

В то время как Борхардт только приступал к работе, пришло сообщение из Долины царей: Теодор Дэвис обнаружил гробницу, в которой были найдены остатки кедрового гроба, покрытого золотом с надписью: *«Он сделал это для своей матери Тэйи»*.

В гробнице был ещё один гроб с полуистлевшей мумией, на верхней крышке которого сохранились следующие иероглифы: *«Прекрасный властелин, единственный избраннык Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, Живущий в прав-*

де...Прекрасное дитя здравствующего Атона, имя которого будет жить вечно».

Эта уникальная находка ещё больше всколыхнула мировую общественность. И вновь запестрели заголовки: «Мумия проклятого фараона Эхнатона найдена!», «Вместо Эхнатона в гробу покоилась женщина!», «Чья мумия найдена Теодором Дэвисом?». Вся эта шумиха была отчасти обусловлена и тем, что находка позолоченного гроба не внесла ясности в неразбериху вокруг имени Эхнатона, а лишь усилила её. Очевидным было только одно: найдена мумия, а кому она принадлежала – непонятно. Все картуши с именами владельца гроба и каноп³² были старательно стёрты. Имя Эхнатона сохранилось лишь на кирпичках, на которых стоял гроб, но это опять же ничего не доказывало: возможно, не было своих кирпичей и вместилище мумии поставили на чужие.

Всё расположение вещей в гробнице – дорогая посуда, цветные чаши и драгоценности – говорило только об одном – здесь побывали не грабители. Но тогда кто и зачем? Вопросы добавляла и мумия. Она была гораздо моложе предполагаемого фараона Эхнатона почти на пятнадцать лет!

Всё это ещё раз доказывало необходимость самых тщательных раскопок в Тель-эль-Амарне.

И Борхардт торопился.

Он ещё не знал, что эти раскопки займут пять лет. Не знал

³² Сосуды, где хранились внутренности умершего.

И ТОГО, ЧТО ОНИ СТАНУТ СМЫСЛОМ ЕГО ЖИЗНИ.

1912 год, 6 декабря, деревня Тель-эль-Амарна

Раннее декабрьское утро. Солнце медленно скользит по зубцам гор, с каждой минутой меняя их сказочные очертания. В Египте декабрь самый прекрасный месяц: нет изнуряющей жары и испепеляющего зноя. Небо высокое, лазоревого-голубое, ни единого облачка. Воздух чист и свеж и наполнен какой-то необычной тишиной. Упоительная свежесть и радость жизни чувствуются в лёгких порывах северного ветра.

Из палатки, потягиваясь, вышел Борхардт. Он огляделся. Солнечный диск приветствовал его блеском белого золота, словно приглашая вступить в этот день с улыбкой навстречу неизвестности. «Да! Хороший денёк, – подумал он. – Да и сон был чуден! Что же мне снилось?! Не помню». Он окинул взором пробуждающуюся природу и сказал: «Красиво!» За пять лет раскопок он привык к этому незатейливому пейзажу и даже полюбил его.

Борхардт потягивался, щурился от яркого солнца и силился вспомнить, что же такое ему снилось? Что-то очень интересное о раскопках... о Нефертити... Или это не сон?

Тель-эль-Амарна – удивительное место. Здесь, словно в исторической капсуле времени, пройдя через пространство и время, Борхардт попал в те далёкие годы, когда Египет

был в зените славы, и владения его простирались на тысячи километров с юга на север. Когда фараон Эхнатон, отменив всех богов, протягивая руки к Солнцу, создателю всего живого, стал поклоняться Атону как единому богу, воспевая ему ежедневные гимны, и строил новый мир вселенской любви, когда дань Египту ещё платили не только мелкие князьки, но и цари великих государств, оплачивая тем самым своё спокойствие. Но грозные тучи уже сгущались на горизонте могучей страны.

Борхардт видел, что мир, счастье и всепоглощающая любовь в доме фараона были временны, и его реформам не дано было продолжиться в деяниях последователей. Слишком рано они возникли на листе истории, слишком рано идея единобожия появилась на горизонте Египта. Не готова была страна к таким радикальным мерам, не готово было сознание людей исключить из своей жизни других богов, да по большому счёту они не переставали верить во всех тех богов, которым поклонялись их предки, лишь главенствующее место занял Атон – бог солнечного диска. А насколько прочно было это верование, показало время. Город Ахетатон³³, созданный во славу Атона, просуществовав всего несколько лет, оставил после себя лишь пустые гробницы в окружающих город скалах да межевые стелы.

В Тель-эль-Амарне время для Борхардта спрессовалось в одно мгновение; всё стало таким близким; и он хорошо зна-

³³ Горизонт Атона.

ет это семейство и сам лично знаком с фараоном, его любимой женой и детьми. Они, построив город, где всё, казалось, должно было быть подчинено только одной великой цели – служению Атону, наполнили город гармонией и спокойствием. На всех рисунках линии чисты и просты, и нет помпезности, тяжёлых и надуманных сцен, нет тоталитаризма власти и её силы. Это просто люди со своими радостями и бедами. Сцены жизни этой семьи составляли целостные картины обычного человеческого счастья. Они действительно были счастливы тем, что любят друг друга и своих детей, тем, что им светит ласковое солнце, которое прикасается к их носам символами вечной жизни – *анхами*.³⁴ А они дарят Атону самих себя и свою любовь.

Людвиг Борхардт до того сроднился с царской четой, что иногда ему казалось, будто он собирает по крупичкам не жизнь людей, живших за три с половиной тысячи лет до его рождения, а лишь восстанавливает семейный альбом дальних родственников. Будто он ищет и не может найти ответа на простой вопрос: «Так куда же он уехал? Ведь ему так хорошо здесь жилось, и всё у него славно складывалось: добился, чего хотел, выстроил город, нарожал много детишек, да и жена – красавица. И почему же ушли из его города люди, что могло потревожить их покой, или что-то перестало удержи-

³⁴ Анх – символ вечной жизни – крест в форме греческой буквы «*tau*» с петлёй наверху. На рисунках он символизирует вечную жизнь; *анх* – составляющая некоторых личных имён, например: Тутанхамон (живой образ Амона).

вать их здесь? Может, не всё так хорошо и спокойно было в стране Эхнатона, как выглядело на рисунках?» Вопросов было много, и на каждый ему хотелось найти ответ.

«Что же мне снилось сегодня?» – пытался вспомнить Борхардт. Его не покидало очарование сна, – так бывает, когда сновидение из глубины сознания вытаскивает самые прекрасные и потаённые мысли или, наоборот, вливает в мозг ту информацию, которая никогда не могла бы появиться, не будь у нас шестого чувства. Где-то в затаённых уголках этой «мини-вселенной» под названием «мозг человека» отыскивается та информация, которая была заложена туда не нами, а предшествующими поколениями. И информационное поле Земли находит ответ на поставленные вопросы.

– А... припоминаю... – прошептал он, почёсывая голову, и через мгновение радостно воскликнул. – Мне... снилась Нефертити! Она была в царской синей тиаре, с ребёнком на руках, сидела в саду под раскидистыми ветвями смоковницы, а рядом резвились старшие дети. И Эхнатон, как простой смертный, сам срывал спелые плоды и услаждал ими Нефертити, дочерей и меня, словно я его гость. Приснится же такое! Сон, но так правдоподобен, что нет грани между реальностью и фантазией, – весело размышлял Борхардт. – Ещё немного, и я начну чувствовать их своими родственниками и называть не иначе как дядюшка Эхнатон и тётушка Нефертити. Хороший сон – хороший день! Что же он принесёт? – спросил он сам себя.

Так просто – вопрос без ответа, ни к чему не обязывающий и ничего не требующий. Но как часто, задав такой вопрос, человек через некоторое время получает ответ совершенно неожиданный, но подсознательно ожидаемый им. Словно космическая энергия стремится помочь в разрешении его вопроса именно сегодня и именно ему.

Борхардт ещё раз потянулся и, улыбаясь, отправился принимать душ, уже предвкушая прохладу воды. Некоторые любят понежиться по утрам в постели, а он любил поплескаться.

Но даже умываться сегодня ему пришлось на скорую руку – прибежал мальчик феллах с перекошенным лицом. Попадись ему на дороге кобра, вид у мальчонки был бы куда более спокойный. Безбожно коверкая слова, брызжа слюной, размахивая руками, он орал что есть мочи:

– Миста Борхардт, миста Борхардт, идти туда! Скорей идти туда! Миста Борхардт, скорей идти...

– Что случилось? Что? – хватая мальчугана за плечо и встряхивая его, чтоб хоть немного остановить этот поток слов, прокричал в ответ Борхардт. – Ловушка? Стена рухнула? Придавило? Кто? Что?

– Миста Борхардт, там... там... О! – мальчик не мог найти нужных слов и стал заменять их жестикуляцией. Он то показывал себе на грудь, делая круговые движения, из чего было понятно, что напугала его женщина, то тыкал в свою голову и кричал «шапка», то показывал на горло, словно оно

было перерезано, а в конце своего выступления с применением пантомимы он, указывая на свое чумазое, беззубое лицо и радостно, словно вспомнив, как это сказать, выпалил: «Красавица!»

– Да, ты уж, конечно, красавица! Красавица! – улыбаясь, пробормотал Борхардт. Он мысленно ругал того, кто отправил к нему мальчишку, который знал всего три слова и не мог толком объяснить, что случилось.

– Что ж тебя так взволновало? – вслух размышлял он, поглядывая на мальчика. – Кто тебя прислал? Где? – спросил он, уже теряя надежду получить ясный ответ на вопрос «что случилось?» Так хотя бы знать, где и в каком месте случилось несчастье, о котором тот пытается рассказать.

Но ребёнок только размахивал руками и вновь и вновь твердил заученное: «Идти туда»!

Убедившись, что большого он не добьётся, Борхардт одел белый колониальный шлем, взял трость и отправился за мальчиком.

– Ну, идём показывай!

Но через минуту учёный уже пожалел, что не оседлал хотя бы осла. Он пыхтел, отмахивался от мух и еле поспевал за мальчиком. А тот, радостно подпрыгивая и забегая вперед, поминутно размахивая руками, пытался рассказать ему, что же приключилось там... Но ясности это не прибавляло. Борхардта это уже начинало злить и изрядно раздражать.

– Ты или говори толком, или молчи! – сказал он мальчи-

ку. Но мальчик так же хорошо понимал, как и говорил, и, не унимаясь, продолжал выкрикивать, словно попугай, заученную фразу.

– Скорей! Скорей. Идти туда! Красавица!

– Да успокойся ты! – прикрикнул археолог, беззлобно замахиваясь на него тростью. – Слышал уже, знаю! Всё понятно. Надо идти, там красавица.

«Только вот откуда у нас красавице взяться? Здесь никаких женщин нет, не то, чтобы появиться какой-то красавице», – подумал Борхардт.

– Стоп! – и сам встал, как поражённый громом. – Найти? – крикнул он мальчику, подстраиваясь под его знание иностранного языка.

Тот утвердительно кивнул, а затем, закатывая глаза и разводя руки, серьёзно добавил:

– О-о! Красавица!

– О, мой Бог! Что ж ты раньше не сказал, почему молчал? Скорей! – И теперь он подстёгивал мальчишку. – Быстрее!

Мальчик в недоумении посмотрел на него. Как же так, ведь он так хорошо всё рассказал, показал, любой мальчишка из его деревни догадался бы, а он даже говорил, что нашли очень красивую женщину. Странные эти взрослые. Но самые странные – европейцы. Дай им кусочек глины с какими-то каракулями, и вот с ними творится что-то невообразимое, они его и чистят, и целыми днями рассматривают, и ещё дают за него денег. А эти кусочки глины разбросаны просто

всюду. Неужели у европейцев на всё хватит денег? «Вот бы найти их так же много, как бабушка Мадина, – думал мальчик. – Уж я бы этим богатеям не отдал бы так дёшево, как она. А вот за верблюда бы отдал». – Мальчик перестал подпрыгивать, размахивать руками и целиком погрузился в радостные мечты о верблюде.

А Борхардт думал: «Как странно, люди, живущие сейчас на этой земле, не имеют к прошлой цивилизации никакого отношения. Для племён, населяющих сегодня Египет, эти сокровища не имеют никакой ценности и ничего не стоят. Ох, и глуп же Огюст Мариэт – подсказал правительству узаконить запрет на вывоз исторических ценностей! Организовал музей в Булаке, в каирском-то предместье! Зачем? Кому нужен здесь этот музей? Сидел бы лучше у себя в Лувре да собирал бы коллекцию на радость потомкам, а не вбивал бы вредные мысли в головы египетского правительства! Дескать, всё, что найдено, принадлежит Египту по праву и должно охраняться законом! По какому праву? А что же они раньше не берегли свои сокровища, почему расхищали их столетиями? Строить дома и загоны для скота из храмовых плит – да это похлеще расхищения, это кошунство! И что феллахи будут делать со всеми этими сокровищами? Разве эти люди – «кочевники», бедуины, смогут оценить красоту и величие? Разве они смогут изучить весь этот грандиозный исторический пласт? Они растащат по своим хибаркам сокровища и будут кувшинами, которым нет цены, носить во-

ду и поить скот. А теперь ещё и этот Гастон Масперо: „Вы должны бережно относиться ко всему, что найдёте, ведь это достояние Египта“. А нужно ли Египту это достояние?»

Так, думая каждый о своём, мальчик и учёный дошли до квадрата Р. 47. При раскопках Ахетатоне был применён метод: город расчертили на квадраты, каждая сторона 200 метров, вертикаль обозначали буквой, горизонталь – цифрой, где по предположениям археологов, были мастерские скульпторов. Здесь в одном из разрушенных домов был найден небольшой ларец с надписью: *«Хвалимый царём, начальник работ, скульптор Тутмос».*

– О мой Бог, я же сам приказал работать сегодня именно здесь! – воскликнул Борхардт. – Значит, мои предположения оправдались! Что ж такое нашли? Полуразбитый бюст фараона? Или незаконченную статую царицы?

Не успел он осознать сказанное, глазам предстала следующая картина: все, кто находился на раскопках, собрались у развалин мастерской скульптора Тутмоса, будто произошло какое-то несчастье. Они столпились над виновником происшествия в нерешительности и в полной тишине, словно не зная, что же с этим всем теперь делать...

«Только несчастного случая нам и не хватало», – мелькнуло в голове Борхардта. Он подошёл ближе. Толпа молча расступилась, открывая истинного виновника произошедшего...

На рабочем столе, застланном мешковиной, стоял бюст

женщины в синей тиаре!

– Нефертити! – ахнул Борхардт, всплеснув руками. А вспомнив свой сон, прошептал. – Синяя тиара!

Прошептал и замолчал, будто испугался своих слов, его сновидения затмили реальную жизнь. И теперь он боялся, что ещё мгновение – происходящее окажется тоже сном!

Борхардт, подобно феллахам, замер на месте с открытым ртом и, чуть подавшись вперёд, впился взглядом в прекрасное изображение женщины в синей тиаре. Он, не отрываясь, смотрел на бюст – не в силах отвести взгляда, – и теперь ему было понятно, почему находка вызвала такой восторг у мальчика. Она была великолепна!

– Царица Нефертити в синей тиаре!

На всех без исключения бюст произвёл неотразимое впечатление. Люди словно лишились дара речи. Красота, воскресшая из небытия, очаровывала и завораживала. В этом облике было что-то необъяснимое, магическое, и можно было стоять и смотреть часами. На её губах едва уловимая улыбка, глубина переживаний во взоре, царственная изящность облика и его чувственность наполняли души собравшихся восторгом. Сама жизнь светилась в этом изображении.

Женщина величаво и в тоже время игриво смотрела на них, словно всем своим видом говоря: «Я пришла».

«*Прекрасная пришла*», созданная в порыве творческого вдохновения, стояла на верстаке и с улыбкой взирала на от-

крывшийся перед ней мир.

Вечером, приступив к дневниковым записям, Борхардт о найденном бюсте Нефертити напишет только одну фразу: *«Описать невозможно – смотреть!»*

День тот же и там же

Среди восторженных глаз, устремлённых на Нефертити, были глаза наполненные слезами счастья и восхищения, словно свершилась его заветная мечта, к которой он шёл всю жизнь, терпя невзгоды и лишения, а мечта была несбыточной и недостижимой, как звезда.

Саид – сотрудник Каирского музея – был прислан в помощь Борхардту и теперь не мог отвести от бюста зачарованных глаз. Его губы безотчётно шептали:

– Нефертити! Красавица грядёт! Я нашёл тебя, я, наконец-то, нашёл тебя! Я шёл к тебе целую жизнь, ждал целую вечность. Ты прекрасна!

Он не кривил душой и не преувеличивал, он действительно ждал и искал её целую жизнь. Двадцать пять лет, с 1887 года, словно одержимый, он искал любое упоминание о ней. Поначалу таблички из Амарны захватили его – ему было просто интересно, затем желание доказать учёному миру их подлинность. И чем больше он посвящал себя этим весточкам вечности, тем всё чаще ловил себя на мысли, что ему нестерпимо хотелось бы найти образ Нефертити, которая уже всецело завладела его душой. Поэтому Саид отправился в Амарну. Здесь на стенах гробниц вместо привычных сцен царства мёртвых были барельефы и рисунки, изображающие Нефертити и её мужа Эхнатона: царственная чета

приветствует Атона и преподносит ему дары. Хотя рисунки и завораживали Саида своей необычностью и динамизмом, но они не передавали истинные черты царицы. Фараон и царица на них, как брат и сестра: у обоих вытянутые лица и очень большие губы, раскосые глаза. Понять по этим изображениям, чем же так пленила Эхнатона эта женщина, было просто невозможно.

Мечта найти истинный образ царицы, которую весь двор называл «Владычица приятности», изменила неторопливый и размеренный ход его жизни, но он вступил на дорогу, ведущую в прошлое, и оно увлекло его. Знать о ней всё, знать каждый момент её жизни было смыслом его существования. Поначалу он доказывал – таблички действительно подлинные и являются истинным сокровищем. Затем, когда учёные стали называть таблички «открытием века», и когда Питри приступил к раскопкам в Амарне, Саид поспешил в экспедицию. Каждый день, проведённый в Амарне, лишь умножал его мечту. Но укрытый песками город спал и хранил свои многовековые тайны.

Прошло двадцать пять лет, и мечта о Нефертити казалась не только несбыточной, но и эфемерной, как сон, которому не суждено сбыться и который таял в предрассветной дымке утренней зари. И вот когда он уже отчаялся увидеть её истинный облик, аллах послал ему в подарок настоящее сокровище. За труды и терпение аллах вознаградил его чудом!

Саид не верил своим глазам: «Красавица грядёт» в синей

тиаре с нежнейшей улыбкой на коралловых губах, словно приветствуя, смотрела на него властно и призывно. Душа его наслаждалась исполненной мечтой и упивалась восторгом, который рождался при одном только взгляде на этот образ, глаза наполнились слезами, а губы шептали: «*Ты прекрасна, Нефертити!*»

* * *

В этот день посёлок археологов всколыхнуло и другое событие. Непонятно отчего – то ли из-за воды, то ли из-за молока, привозимого из деревни, – у многих работников началась острая дизентерия. Не имея каких-либо медикаментов под рукой и не зная, что делать в подобной ситуации, Борхардт послал за доктором, который находился за сотни километров, и ждал, полагаясь на Бога. Пока доктор прибыл, смерть унесла несколько рабочих. Встал вопрос о закрытии археологического сезона. Но Борхардт, нарушая все предписания, продолжал работы. Он стремился добыть как можно больше артефактов, таких же прекрасных, как бюст царицы, но чем больше своих пленников отпускала вечность, тем больше он убеждался, что нет ничего прекрасней, чем скульптурный портрет царицы Нефертити в синей тиаре.

Глава 3

Фивы. День чествования быка Аписа. Гадание, карта третья

Солнце нещадно палило. Нефертити хотелось быстрее закончить гадание. Ноги от непривычного сидения на корточках затекли, и ужасно болела спина. Гадалка положила третью карту.

На ней тёмные воды великого Хапи разливаются бурными потоками, смывая на своём пути все преграды.

Нефертити вздрогнула. Неужели?..

Нил – дар богов! Самая предсказуемая и добрая река! Жрецы знают всё о великом Хапи: когда и какой будет разлив, и как долго простоит вода, наполняющая землю живой силой. От нильских разливов зависит всё сущее, но подчас страшные беды приносят с собой слишком бурные потоки! О, сколько людей в них тонет!

«...Неужели я погибну в водах Нила, а моё тело станет трапезой крокодила? Или?.. Или меня оговорят?! И фараон поверит в наговор... и сбросят меня в реку с привязанным к ногам камнем, как было с женой Яхмоса³⁵, которо-

³⁵ Яхмос – фараон XVIII династии.

му злые языки нашептали, мол, его любимая жена возыме-ла глупость полюбить рыбака, поставщика рыбы к царскому столу? – сердце Нефертити трепеталось, как птичка, попавшая в сеть. – Зачем я решилась гадать?! Жить в неведение всё же легче, чем постоянно ожидать смерти, да ещё такой страшной».

Но гадалка, посмотрев на неё долгим понимающим взглядом, произнесла:

– Не бойся, деточка, эта карта не так плоха, как кажется. Она лишь говорит о том, что в твоей жизни грядут великие перемены, подобно разливу Хапи, они сметут на твоём пути всё ненужное и давно мешавшее тебе. Старые устои, законы, запреты – всё потеряет силу и значимость. Преграды, что сдерживают тебя, ты пройдёшь. А затем наступит пора созидания.

«О боги, откуда она может знать о моих сокровенных мыслях?! Да, я хочу низвергнуть подлых жрецов Амона. Они прибрали к своим рукам всё. Они всюду... и даже похоронами и заботами о доме вечности фараона Небмаатра³⁶ заправляли они, а не прямой наследник – его сын Аменхотеп.

Забота о вечной жизни родителей – долг каждого! Именно сын обязан отдавать надлежащие указания об этом, а не какой-то Небамон – хранитель амбаров Амона. Пусть он даже и Верховный жрец!

Да, я хочу убрать их всех. И пока я первая в доме Амен-

³⁶ Небмаатра – тронное имя Аменхотепа III.

хотепа, пока он во мне души не чаёт, надо спешить! Времени у меня мало. Век любимой жены недолог, а тем более у меня опять дочка! Но как?.. Как об этом узнала гадалка, ведь она даже не знает, кто я?»

Нефертити провела рукой по лбу, словно проверяя, нет ли золотого урея – символа царской власти. А затем рука скользнула по волосам, поправляя непривычно лёгкую причёску.

Старик-врачеватель, который сидел рядом и неотрывно следил за ней, даже присвистнул от удовольствия. Уж больно она была хороша. Ему нравилось в красавице всё: и каждое движение её рук, и волосы, пахнущие лучше, чем все благовония мира, и глаза, подведённые сурьмой, и розовые лепестки губ, и шея... Он всё удивлялся её красоте и тому, как она величаво держала свою обворожительную головку – гордо, словно богиня, или по меньшей мере царица! Нравилось и то, как она смотрела на гадалку: прямо в глаза, не боясь, как другие. В ней чувствовалась величественная грация и необъяснимая скрытая сила. С каждым мгновением она нравилась старику всё больше. От созерцания такой красоты он даже забывал закрыть рот и сейчас напоминал старого пса, предвкушающего лакомый кусочек из рук хозяйки. Старик бы согласился быть даже псом, только бы лежать у её ног и ждать любой милости: будь то ласковое поглаживание руками или брошенная им кость. Большого и не смел желать.

Тонкое благоухание красавицы возвращало старика в ту

далёкую страну снов и грёз, где он сам был молод, красив и умён. Отец мечтал видеть его на службе у фараона и не меньше, чем жрецом Амона или чати!³⁷ Но ему самому не хотелось всю жизнь считать, сколько надо работников для постройки храмов или плотин, или высчитывать по звёздам время пахоты и сева, или следить за разливом Нила. Он стремился постичь большее, а именно как создан человек и что у него внутри? А главное, его интересовал вопрос: «Что есть дыхание жизни?»

И часто втайне от родных он убегал к берегу реки, где дождался барки, которая перевозила на западный берег умерших. Тайком пробирался на корму, прятался среди снастей и отправлялся в царство мёртвых, где жили и орудовали одни парасхиты.

Всеми отверженные и изгоняемые из мира живых, парасхиты всё же были нужны людям – готовили человека к вечному пути – вскрывали труп, извлекали внутренности, семьдесят дней вымачивали тело в соляном растворе, бальзамировали, а затем пеленали готовую мумию, читая над ней заклинания из «Книги мёртвых».

Ох и жутко было в первый раз видеть, как они это проделывают, как раскалённым прутом вытаскивают мозги через ноздри, как разрезают труп и извлекают из него органы! Но желание узнать тайну жизни и смерти было сильнее его страхов!

³⁷ Чати – высший сановник, визирь, правая рука фараона.

Однажды жрец в маске Анубиса, заметив его, не прогнал, а, наоборот, попросил помочь перевернуть грузное тело, лежавшее на ритуальном столе. Трепеща, как лист сикоморы на ветру, он подошёл ближе. На гранитном ложе с желобками с боков для стекания крови и промывающей труп жидкости, лежала огромная бесформенная туша с застывшими от ужаса глазами и с перекошенным ртом – всё, что осталось от грозного и всесильного наместника фараона. Сколько слёз было пролито по его вине! Жадность наместника не знала предела, и, казалось, он никогда не насытится. А всё-таки конец настал! Сейчас он лежал, словно жертвенный бык, раскинув ноги и руки по граниту, готовясь вступить на порог вечности – тело готовили к мумификации парасхиты. И от них зависело, как долго проживёт его тело в вечном мире, от их милости и умения будет зависеть, сможет ли его душа Ба после долгого путешествия по небесам и в Подземном царстве найти своего двойника Ка. Ничтожней зрелища нельзя было представить! Тот, кто попирал ногами основной принцип жизни: *«По моей вине никто не проливал слёзы»*, тот, кто набивал свою утробу, обдирая последнего бедняка и обрекая семьи на голодную смерть, сейчас был жалок и ничтожен. Золото, которое он отнимал у несчастных, не могло поднять его со смертного одра! Оно не избавило всесильного наместника от смерти, а значит, для смерти нет никакой разницы, кто перед ней – сборщик налогов, раб или сам фараон. «Перед смертью все равны, и хлад её шагов чувствует каждый

за своей спиной. – Думал он, стоя над телом. – А ведь наместник умер от жадности – подавился слишком большим куском мяса! Этого можно было спасти, но как же помочь другим? Как? Как сделать, чтобы матери не теряла детей, а солдаты не гибли от гнойных ран?»

Подобные вопросы привели его в храм бога Хонсу. Годы провёл он за свитками великого Имхотепа, изучая папирус за папирусом и постигая тайны врачевания.³⁸ *«Если боль в животе, дай больному чёрствый заплесневелый хлеб, что хранится в подвалах храма. А если нужно остановить кровотечение, то, смазав рану мёдом, приложи к ней сырое мясо»...*

Вскоре слух об умном враче, который часто говорит: *«Я это могу вылечить!»* – разлетелся по всему ному. Он стал знаменит и богат – большой дом, много слуг, рабов и даже значительный гарем. Слава и уважение окружили его, он стал почётным гостем на любом торжестве, и сам того не заметил, как пристрастился к вину. Жёны недолго терпели постоянно пьяного мужа – они выгнали его из дома. Его дома! Пришлось вернуться в храм и жить по-старому, но теперь он уже не мог жить без вина. Излечив очередного больного, с тоской думал, почему он всех лечит, а излечить свой, казалось бы, простой недуг не в силах. Каждое утро давал себе зарок не пить, а к вечеру нарушал его, находя радость лишь

³⁸ Имхотеп – учёный и врач. Ему принадлежат первые в истории труды по врачеванию.

в вине. «Что есть жизнь? Мгновение! Так пусть оно будет сладостным!» – изрекал он, наполняя чашу вином.

Так и доживал старик-врачеватель отведённую ему земную череду лет: позовут принять роды или промыть желудок – придёт, поможет, и платой ему была тарелка полбы да кувшин вина.

Жёны и дети отвернулись от него, лишь старшая дочь не оставила отца. Она жила с ним в храме, изучала его ремесло и помогала ему в работе. И с каждым днём радовала старика всё больше.

– Раньше я говорил: «Учись дочка, пока я жив», а теперь мне впору самому учиться у тебя. Помни: номархи, жрецы, фараоны понесут своё золото к твоим ногам, лишь бы ты продлила им жизнь! Они будут целовать тебе руки только за то, что произнесут твои уста: *«Я могу это вылечить»*.

Но как бы хорошо она ни лечила, гадание у неё получалось всё же лучше. Она словно видела человека насквозь и видела, что с ним произойдёт через миг или через много-много лет. Посмотрит на человека и скажет, что ему предстоит, как в воде видит. Одно плохо – что ни увидит в той воде, то и скажет. А кому приятно услышать нерадостное, хоть и правдивое предсказание? Вот и получалось – кто щедро заплатит, а кто и камнем запустит, тут только успевай убежать.

Как старик ни упрашивал дочку не говорить всю правду, ну хотя бы приукрашивать немного, та всё равно поступала по-своему.

«Вот и сейчас вещает всё как есть! Девчонка в обморок упала и теперь вон дрожит, как камыш на ветру, боится! Но как горда и как красива, – думал старик, не отрывая взгляда от Нефертити. – Как красива!»

– Ты, не слушай её. – Он покосился на дочь. – Самое лучшее, что ты можешь сделать, это нарожать как можно больше детишек. У такой красавицы, как ты, должно быть много очаровательных малышей. И не расстраивайся, если это будут девочки, ведь не власть же им наследовать... А так получишь ещё немного золото за дочек, как подрастут... – Он осёкся... Что-то промелькнуло в глазах красавицы, как будто страх или, нет, гром и молнии забушевали в её потемневшем взоре.

Дочка с силой ткнула его локтем в бок.

– Да я так, только сказать хотел... Я ничего... – зашамкал беззубым ртом старик, понимая, что сказал лишнего.

А Нефертити после его слов будто душой ушла в себя, как черепаха втянула голову в прочный роговой домик, прячась от опасности, и замерла. «О, если бы он знал, этот старик, как близок он к истине: мои дочки – наследные принцессы! Можно иметь много детей, но только сын принесёт мне уверенность в завтрашнем дне», – думала она, глядя на коротенькую тень, которую отбрасывала её фигура.³⁹

³⁹ Власть наследовалась по женской линии. Наследная принцесса должна была выйти замуж за родного брата – сына от первой жены фараона. Если такого не оказывалось, то она брала в мужья своего сводного брата из гарема, передавая всю полноту власти ему.

Фивы. Три дня спустя, после праздника в городе и гадания Нефертити

Нефертити стремительно вошла в тронный зал, Аменхотеп сидел, склонив голову, руками закрывая уши.⁴⁰ Плечи его подёргивались. Фараон плакал. Она присела, нежно обняла мужа, прижала к себе, и как мать большого ребёнка, стала гладить его голову.

– Свет моих глаз! Сердце моё, у нас ещё будут дети...

– Как ты... как ты можешь так говорить? Ведь никто не сможет заменить... – проговорил он, всхлипывая, осёкся, и, заглянув в глаза жены, прищурившись, спросил, – Неужели ты не любила малышку?

– Владыка моего сердца, я любила нашу девочку так, что отдала бы всё, чтобы вернуть её, но я знаю, никого не вернуть с Западного берега, а нам надо продолжать жить... и давать жизнь другим.

– О чём ты, Ласкающая мой слух, говоришь?

– О том, что ты снова станешь отцом, не успеет Сопдет ещё раз взойти над тобой.⁴¹

⁴⁰ В отчаянии египтяне хватались за уши.

⁴¹ По количеству восходов звезды Сопдет египтяне определяли возраст человека.

– О, Лучезарная! – Аменхотеп так стремительно выпрямился, подхватил её на руки, закружил, что она от неожиданности взвизгнула и засмеялась. Горе сменилось пусть небольшой, но радостью.

Такова душа человека: она не может долго страдать и за любое проявление жизни хватается с неукротимой силой.

Когда этот безудержный порыв прошёл, Нефертити помолчав, давая фараону осмыслить радостную весть, всё же решила напомнить, сколь печальное событие их ожидает. Сказала тихо, но властно:

– Наша малышка должна войти в царство Осириса, как подобает наследнице престола!

– Но у нас... – начал было фараон, но Нефертити ласково прикрыв его рот рукой, продолжала:

– Нужно приготовить усыпальницу, саркофаг и вместилище души, а также ушебти⁴² и канопы. Хочу, чтобы это были проводы наследной принцессы!

– Но у нас нет золота на столь величественные приготовления, жрецы говорят: «Казна пуста».

– А казна самих жрецов не пуста? – в сердцах произнесла Нефертити. Брови сошлись над переносицей. – Храмы ломаются от богатств! Каждый день всё новые и новые подати придумывают жрецы Амона, но только золото плывёт не в царскую казну, а к этим пройдохам! А фараон просит золото

⁴² Ушебти – маленькие скульптурки человека, его помощники в загробном мире.

у тех, кто ему подвластен! Скоро они скажут, что ты не сын Бога, а его пасынок, и люди поверят! Что тогда? Нельзя же вечно быть податливой глиной в руках слуг Амона, а заодно и всех остальных!

– Но что мы можем изменить? – Аменхотеп растерянно развёл руками. – Так было всегда и так будет!

– Нет! Хватит! – гневно произнесла царица, правой рукой рассекая воздух, будто отрубая голову змею Апопису.⁴³ – Этому надо положить конец!

Она замолчала, задумалась... её взгляд следил за солнечным лучом, что скользил по золотым росписям на стенах тронного зала.

– Мы возвысим Атона! Бога солнечного диска!

– Что?

– Люди каждый день встречают и провожают его. Солнце! Если от вод Нила зависит плодородие земель, то от солнца – какими будут урожаи. Солнце может быть не только ласковым, но и грозным, всё испепеляющим! Атон...

– А Амон?!

– А что Амон?

– Амон ведь тоже олицетворяет Солнце!

– Чем? Бараньей головой?

⁴³ Апопис в древнеегипетской мифологии – гигантский змей, который является вечным врагом Ра. Он часто мучает людей в загробном мире, возит их на своей спине, подвергая опасностям.

Нефертити вновь замолчала, она видела – фараон поражен! Он и в самом деле был удивлён её напором, гневом и страстью, с какой она произносила крамольные мысли. И за подобную вольность, и за столь смелые речи он мог отправить её в гарем, как простую наложницу. Но, рискуя всем, Нефертити продолжала, отступить было уже не в её власти:

– Я понимаю – нельзя забрать у народа его веру в Амона, ничего не предложив взамен. Перемена должна быть значимая и легко объяснимая, только тогда люди поверят тебе и пойдут за тобой. Нельзя кричать: «Амон меня не устраивает, а больше всего не устраивают жадные жрецы Амона, и уж, очень хочется забрать у них земли, рабов, храмы и флот, который они себе выстроили». Нет, мы должны показать всем, что есть более сильный Бог! И он дарит жизнь.

– Но как? – шёпотом произнёс Аменхотеп, испуганный натиском жены.

Часто долгими ночами они говорили с Нефертити об этом, но это как вода в песок – поговорили, а наутро забылось, до следующего раза, когда приходилось просить золото у жрецов.

Он внимательней посмотрел на неё. Что-то в Нефертити изменилось, произошла какая-то перемена. «Неужели смерть дочери так подействовала на неё и стала последней

капель, переполнившей сосуд ненависти к жрецам? И как она хороша: решительна, уверена! Странно, но горе преобразило её, она стала ещё прекраснее!» – думал фараон, искоса поглядывая на жену.

– Как? – она задумалась.

Солнце каждый день восходит на востоке, проходит свой путь, одаривая светом и теплом. Уходит величественно, как подобает богу, без спешки и суеты всегда – на западе, в стране мёртвых. И если остановить солнце невозможно и прекратить его вечный путь тоже невозможно, то как доказать, что его ведь может и не быть! А нет солнца – нет и самой жизни!

– О, если бы однажды оно не вошло в назначенный час, вот бы переполох начался! – мечтательно произнесла Нефертити, глаза засветились нездоровым блеском...

И этот блеск, и румянец на её щеках пугали Аменхотепа... Он не смог вымолвить даже слова в ответ...

* * *

В тронный зал вбежал и пал ниц Мери-Пта.⁴⁴ Толстый, как нильский гусь, с жёлтыми нездоровыми зубами и маленькими бегающими глазками. Он был чати, правой рукой ещё у Аменхотепа III, а затем достался его сыну по наследству.

⁴⁴ Буквально перевод имени Мери-Пта – «любимый богом Пта»

Фараон подал знак, чтобы тот поднялся и говорил.

– Да будет светел твой путь, приносящий нам радость, Владыка двух корон – короны Нижнего и Верхнего Египта. Я узнал о горе, которое опустилось на твой дом. Мы все любили малышку, да встретит её благосклонно Осирис. Да будет путь...

– Не тьяни, говори, что еще случилось? – повелел Аменхотеп. Фараон знал: коль Мери-Пта начал с хвалебных песен, то жди беды – или кочевники одолевают дальние номы, или голод грозит всей стране. – Говори!

– Горе укрыло своими крылами не только дом фараона, да будет он жив, цел и здоров, но и все необъятные земли... – продолжал стенания чати.

– Говори! Или скормлю тебя крокодилам!

– Дело в том... – начал было Мери-Пта, но осёкся, не зная, с чего начать. Мыслимое ли дело сообщать фараону – Владыке Двух Земель – о готовящемся заговоре. Как сказать? Как он поступит? Как бы головы не лишиться! А ещё Нефертити здесь. Без неё как-то проще... – Э-э... – тянул он. Поглядывая многозначительно на Нефертити, он ждал, когда она уйдёт. Но Нефертити, понимая его молчаливые намёки, даже и не думала уходить, жёстким взглядом показывая глупому чати – она царица в доме фараона.

Нефертити не любила Мери-Пта, чувствуя в нём какое-то скрытое предательство.

В молчаливой войне взглядов чати проиграл – Нефертити

их не покинет. И тяжело вздохнув, Мери-Пта решил рискнуть и, брызжа слюной, выпалил:

– Жрецы Амона готовят заговор!

– Как? – в один голос воскликнули Аменхотеп и Нефертити. Фараон даже привстал с золотого трона.

– Скоро солнечное затмение! Подобного затмения не было вот уже триста лет. Последний раз, ещё во времена гиксо-сов, жрецы использовали затмение для устрашения народа и самого фараона, да так, что он сам отдал им власть. То же они намериваются проделать и с тобой! Они уже делят между собой власть: кому какой ном достанется, какой храм, а кто и твоих жён присматривает, – покосился он на Нефертити. «Лакомый кусочек», – мелькнуло у него в голове. – А нам... нам следует поторопиться... надо подтянуть к городским воротам войска... Времени мало!

– На кол! Всех пересажать на кол, на середину Нила, чтобы тела их разлагались и падали в воду, а там их доедят крокодилы! – в гневе выкрикнул Аменхотеп. – Они узнают, что такое настоящее затмение, глупые детёныши ослиц!

– Но мы не сможем... не сможем никого казнить, – произнёс Мери-Пта, разводя руки. – Храмы закрыты, они заняли оборону после того, как мы схватили их жреца – звездочёта. Поначалу он говорил, что ни о чём не знает, но когда привели его сына, он рассказал, что затевают жрецы. А ещё он насмеялся над тобой... – Мери-Пта внезапно прервал свою речь, словно боялся произнести то, что выкрики-

вал жрец под пытками, и без того он сказал больше, чем полагалось.

Тишина установилась такая, что, казалось, было слышно, как ветерок перекачивает песчинки по длинным анфиладам. Каждый думал о своём, но мысли их перекликались. Мери-Пта опасался: «Как бы его не казнили за такую весть!» От страха у него засосало под ложечкой, и ему ужасно хотелось броситься вон из дворца, не дожидаясь, когда фараон прикажет отправить его к праотцам. «Я глупец, сообщить о заговоре! Да ещё Нефертити здесь! Знаю, она ненавидит меня! Эх, не сносить мне головы! А фараон заключит со жрецами Амона договор, выставив меня виновным в раздоре и в подстрекательстве к войне с ними. Но если окажется так, то кто же истинный фараон в стране?»

Аменхотеп думал о том, как неблагодарны люди: «Дай им хоть немного власти, и они уже мыслят получить больше, а особенно жрецы Амона. Ведь в их руках и так всё – казна принадлежит им, они ссужают золотом меня, самого фараона! Я покорно выслушиваю все их нравоучения только для того, чтобы получить его. Я шесть лет шёл у них на поводу, как овца на заклание, низко склонив голову, выполняя все их требования. Так кто же истинный фараон?»

А Нефертити размышляла: «Как странна жизнь! Хотя поступь человека на земле определена богами задолго до рождения и каждый его жизненный шаг им известен, но... – она усмехнулась, – но иногда боги дарят человеку милость изме-

нить его жизненный путь! И тогда уж от него зависит, как распорядится этой милостью. Я всегда знала – остановить солнце невозможно, а весть, принесённая Мери-Пта, и он сам радуется меня как никогда: вот она, данная свыше, милость – изменить всё! Затмение! Жрецы, храмовые крысы, знают о затмении только потому, что от поколения к поколению хранят тайны неба. Они сделали, вероятно, правильные расчёты, и затмение состоится... А люди поверят им, и пойдут за ними, дабы, сменив правителя, изменить свою жизнь, ведь человек грезит о лучшем. Слуги Амона всё продумали, но просчитались только в одном: они не взяли во внимание меня! Как же хорошо, что я сейчас рядом с Аменхотепом! И теперь я знаю, что нам делать... Жрецы, всё подготовив, дают мне в руки настоящее «весло», которым я разверну приготовленный ими бунт, как ладью, в нужное *мне* русло! Вот тогда все увидят, кто истинный фараон в стране!»

Царица, озарённая внезапной идеей, вскинула руку в знак внимания. Знак, достойный лишь фараона, но не его жены, даже если она его любимая жена!

Фараон и чати удивлённо посмотрели на неё.

«Дерзость невиданная, – мелькнуло в голове у Мери-Пта. – То-то он ей сейчас...»

Но Аменхотеп ласково произнёс:

– Мы слушаем тебя, Услаждающая слух во дворце.

Она в благодарность улыбнулась ему нежнейшей улыбкой.

– Не торопись, Владыка моего сердца! – произнесла она

спокойным голосом, словно речь шла о закупке благовоний или льна на платья. – Времени у нас много. И казнить никого не надо! Ты справедлив, как Гор! Пусть так и остаётся в умах твоих возлюбленных детей. Жрецы хотят воспользоваться затмением – мы им в этом не откажем, лишь с маленькой оговоркой... – не закончила Нефертити, её прервал Мери-Пта. Глупый, он ещё не понял, с кем имеет дело! Царица гневно воззрилась на него...

– Но... тогда твой муж и брат лишится короны! Да будет фараон жив, цел и здоров... – начал было любимчик бога Пта, поглядывая на фараона, ожидая поддержки, но, обожжённый взглядом царицы, осёкся.

– Я думаю, – она требовательным жестом остановила чати. – Затмение – это как раз то, чего нам так не хватало! – добавила она, уже улыбаясь.

Мужчины переглянулись. «Наверное, боги забрали у неё разум, – подумал Мери-Пта, глядя на Нефертити. – Жрецы готовят заговор, может, вскоре она сама будет искать смерти: кобру к шее прикладывать или яда выпьет! Или она не понимает?!»

А Нефертити продолжала:

– Что же рассказал этот несчастный звездочёт о затмении, как всё пройдёт? – скрестив на груди руки, спросила Нефертити. На лице ни тени страха, лишь живой интерес, как если бы речь шла не о заговоре, а о празднике для увеселения народа.

Мужчины вновь переглянулись: нет, с ума не сошла и явно что-то задумала. Мери-Пта, тяжело вздохнув, заговорил:

– Затмение пройдёт за время пути двух павианов.⁴⁵ Полное же затмение займёт одно деление. Жрецы очернят тебя, о, вечно живущий сын Гора, да так, что все поверят – это из-за тебя солнце скрылось и вернётся, только если ты передашь им двойную бело-красную корону! Они рассчитали верно: или сам отдашь корону, или безумствующая толпа сорвёт её с твоей головы. И я не знаю, что лучше, – развёл руки Мери-Пта и, помолчав немного, продолжил. – В храме Амона вот уже неделю плакальщиц обучают оплакивать солнце. На площади и всюду по городу у жрецов будут свои люди, подстрекающие и направляющие толпу. Людской поток к площади подойдёт уже распылённый ненавистью к тебе. Жрецы раздадут черни оружие: копья, палки, а также по кувшину вина, чтоб не страшно было идти против тебя – сына Гора. И они отправили во все номы зазывал, которые сулят богатые подарки всем, кто примет участие в бунте. На подходе целая армия голодранцев. Толпа, сам знаешь, – куда её направят, туда и пойдёт.

– Ты знал?! И не сообщил! – гневно глядя на чати, выкрикнул фараон. – Почему молчал?!

Мери-Пта тяжело вздохнув, продолжил:

⁴⁵ Время записывалось букв.: двенадцать ночных павианов, двенадцать дневных. У египтян были солнечные часы *Гномоны*, водяные часы *Клепсидры*, песочные часы.

– Молва о заговоре ходила давно, но это были только слухи, а свидетельств никаких. Поначалу мне и самому не верилось. Неужели, имея всё, жрецы могут ещё чего-то желать? В стране нет ни одного столь же богатого храма, как храмы Амона. Но когда уже поползли слухи о том, что Хама-ната⁴⁶ заполняют амбары хлебом, скупают пиво и вино, загоняют скот на свой скотный двор, я поверил, что слухи слухами, а запасы пива и хлеба – это не к добру. Что-то замышляют храмовые крысы!

Он вновь тяжело вздохнул...

– А тут... на рыночной площади был замечен мальчишка – служка из храма Амона. Он хвастал перед зеваками кусочками слюды, объясняя, мол, это самый верный способ увидеть, как погаснет солнце. Люди подняли его на смех, а он не унимался, доказывал свою правоту, и в сердцах выпалил то, что слышал от взрослых в храме. Он всё кричал: «Когда луна закроет солнце, жрецы заменят достойным фараоном слабого и ничтожного Аменхотепа». Народ ещё больше развеселился, а мальчуган, вдруг опомнившись, рванул с площади, только пятки засверкали. К счастью, поблизости был царский человек, он-то и проследил за столь болтливым служкой, а уж остальное не составляло труда... И вот я падаю ниц к твоим ногам, Великий сын Гора, с вестью... от которой у меня стынет кровь! Да будет путь твой светел... – начал было Мери-Пта как всегда хвалебные речи, но фараон

⁴⁶ Слуги бога.

остановил его – не время петь впустую.

Нефертити же, прищурив глаза, внимательно слушала чати. От неё не укрылось ничего. «Так значит, боги слуги разыграют очередную мистерию. Всё подготовили: и участников созвали, и место, и время определили, а главное – роли всем раздали, и кто за кем выступает – распределили. Аменхотепу, как неугодному, выделили самую незавидную роль – он уходит под улюлюканье толпы, а может, и того хуже – она его растерзает! Всё продумали, обо всём позаботились, вот только мне не отвели роли! И если походу, придуманного ими действия, я бы появилась, то только в качестве посаженной на кол или избитой палками, умирающей в грязи».

Нет! Такая роль её не устраивала, да и сама задумка как-то не очень нравилась. Женщина – она на то и женщина, чтобы всё, что мужчина задумал, она одним жестом развеет, как зёрна от плевел.

– Как всё продумали! – искренне восхитилась жрецами Нефертити. – Если мы не в силах ничего изменить, то предоставим им самим вершить свою судьбу! Не будем препятствовать им, и вообще, пусть всё идёт своим чередом. И это будет для нас хорошо...

– О чём ты говоришь, цветок, услаждающий мой взор? Через три дня оголтелая чернь разметёт дворец, камня на камне не оставит! А ты... – фараон отмахнулся от неё, он не понимал жены, и его это злило. – Нам надо подтягивать войска, собирать верных нам людей...

Он нервно перебирал золотой воротник на своей впалой груди.

– Не спеши созывать войска, – сказала Нефертити и нежно придержала его руку, – войска в трудную минуту отвернутся от тебя, как это бывало не раз. Солдаты – это те же крестьяне, для них Амон – главный защитник, и что прикажут его жрецы, то они и исполнят. Единственная сейчас наша опора – это кушиты и все наёмные воины, для них Амон ничего не значит. Но даже они под страхом смерти предадут тебя! А уж если такие приготовления развернули божьи слуги, то страха люди натерпятся! – Она поднесла руку к губам и задумалась. Спустя немного времени, Нефертити продолжила. – Я думаю, люди соберутся на площади задолго до затмения, а верховный хранитель амбаров Амона, наш «любимый» Небамон, начнёт предрекать им великие беды... Ты же знаешь: простой люд очень доверчив, как дети. И вот происходит оно затмение! Я не знаю, как это будет, но думаю, это очень страшно, когда солнце исчезает... Люди уверуют в правоту слов Небамона и в панике начнут требовать твоей смерти. А жрецам только и останется, как принять корону или умыть руки твоей кровью!

Мужчины с ужасом смотрели на неё. Воцарилось гнетущее молчание. В этой вяжущей страхом тишине каждый ясно увидел картину своей гибели.

– Но мы немного испортим жрецам праздник, – Она, довольная произведённым впечатлением на мужа, продолжа-

ла. – Когда наступит тьма, мы не будем ждать участи, которую они нам уготовили, и не будем просить пощады у черни. Нет! С наступлением тьмы мы взойдём по золотым ступеням. По ступеням, ведущим ввысь, к богу солнечного диска – Атону. И там, невзирая ни на что, ты пропоёшь песнь солнцу – ту, что недавно пел мне, помнишь? Или придумай новую... А потом, когда первые лучи пробьются сквозь тьму, пусть рабы усилят их огромными медными щитами и направят на нас эти первые солнечные стрелы, что вспыхнут на наших золотых одеждах. И мы предстанем пред толпой в золотом сиянии! Красиво?!

Нефертити остановилась, в зале стояла теперь уж другая тишина: фараон и чати затаив дыхание и разинув рты, смотрели на неё, а она, словно не замечая этого, спокойно добавила:

– Пусть жрецы готовят всё к твоему свержению и своими руками строят для себя дома вечности!

* * *

Прошло несколько мгновений, прежде чем фараон и его «правая рука» пришли в себя. Да! Умна! Как всё перевернула с ног на голову, а, может, наоборот, поставила на свои места. Жрецам захотелось крови? Так они её получают, только собственную. Но как же сделать всё незаметно, ведь от вездесущих соглядатаев ничего не утаишь?

Словно прочитав мысли мужчин, Нефертити продолжала:

– А утаивать нам ничего не надо! Песнь Атону да платье – вот и всё что нам нужно. Это не вызовет подозрений у жрецов: песни ты сочиняешь постоянно. Приготовление одежд... Мало ли какое платье мне захотелось иметь?! Но вот место для восхождения... – она задумалась, немного помолчав, сказала. – Это должна быть пирамида – символ истинного пути в вечность! Думаю, чернь не посмеет остановить наше восхождение к богам.

– О какой пирамиде, ты говоришь? На её постройку уйдут годы и тысячи, тысячи работников...

Нефертити прервала Аменхотепа с лёгким раздражением:

– Нет! Я говорю не о каменной, а о пирамиде из ливанского кедра! Жрецы примут её за твоё очередное чудачество.

– Хорошо, любимая, я понял, – сказал Аменхотеп и, повернувшись к Мери-Пта, добавил. – Нам нужно найти звездочётов в других храмах, и пусть они поведают нам, как происходит затмение. Мы должны знать всё!

– И быть готовыми ко всему! – добавила Нефертити с полной решимостью победить. В голосе зазвучали стальные нотки. Нет, она не даст жрецам, потерявшим всякое уважение к фараону – сыну Гора – вычеркнуть его из жизни!

– Я знаю... знаю очень старого звездочёта, – радостно подхватил Мери-Пта. – Учитель тех, кто живёт сейчас в храме Амона, и он очень обижен на бывших учеников. Они выгнали старика, когда тот решил спорить с Небамоном из-

за разлива Нила. Кстати, старик оказался тогда прав! – Мери-Пта уже мысленно благодарил богов за то, что Нефертити не оставила их, и гнев фараона не пал на его бедную голову. – Если Божественный только пожелает, то я доставлю...

– Да, и немедленно, если он ещё жив! – сказал Аменхотеп.

Мери-Пта стрелой вылетел из тронного зала, оставляя царскую чету одних. Аменхотеп с нежностью посмотрел на Нефертити и привлёк к себе.

– Скажи, любимая... Мы потеряли малышку, а теперь ещё и заговор... Неужели я такой плохой сын богов, что они гневаются на меня и наказывают? Но тогда пусть заберут мою жизнь, а не жизнь ни в чём не виноватого ребёнка.

– Любимый, жизнь у тебя заберут, но не боги, а те, кто им служит! И поверь, пощады не будет: ни тебе, ни мне, ни твоим детям, а также пострадают все слуги и твой гарем, поэтому надо бороться! – Решимость, с какой говорила жена, страшила его и в то же время вселяла уверенность...

Нефертити продолжала говорить, а Аменхотеп сидел, склонив голову...

...Он уже не слышал её, его мысли сейчас были далеко. Он думал о том, как его любимое дитя войдёт в царство мёртвых. «Права Нефертити, хватит выпрашивать у жрецов золото и полностью зависеть от них. А они, ничтожные, прикрываясь затмением, хотят убрать меня, как неудобного! Интересно, кому они приберегли бело-красную корону, кто вступит на престол в случае, если?.. И закончится славное прав-

ление нашей династии! А ведь нам были подвластны земли Куша с золотыми приисками, и нас боялись дикие народы, и заискивали ассирийцы и финикийцы. Лишь хеттский царь Суппилилиума плетёт паутину заговоров, мечтая видеть себя на троне Египта...» – Аменхотеп очнулся.

А Нефертити, не замечая, что он не слушает её, всё говорила и говорила, убеждая в необходимости перемен.

– ...не проще ли поклоняться одному Богу, тому, кого видишь каждый день, от которого зависит всё сущее в этом мире?

– Да, волнующая мой дух, ты права! Но! Как люди, веками верующие в одних богов, пойдут за нами к новому всесильному Богу? Я боюсь – грядёт великая война!

– Войны не будет, если мы воспользуемся тем, что посылают высшие силы – затмением. Самое главное – одолеть жрецов Амона, а они уже сами давно разорили храмы неугодных им богов. Все настолько бедны, разрознены и малочисленны, да к тому же ведут постоянные споры между собой, что не являются большой силой. А ты призовёшь людей верить в прекрасного Бога, восходящего на востоке, перед которым все равны и который одаривает любовью каждого, независимо от его рода и племени. Ты должен позволить всем получать духовные дары без посредничества жрецов и ими посвящённых. И каждый познает любовь Атона и твою как пророка абсолютного Бога. Всем, кто пойдёт за тобой, ты окажешь царские милости, одаришь божественными дарами. Окружи

себя преданными людьми, пусть это будет незнатный, а простой люд: ремесленники и крестьяне. Окружи себя людьми, которые пойдут за тобой по велению сердца, а не из страха потерять голову. Одари их любовью, приласкай их, дай им то, чего они раньше не имели, о чём даже и не мечтали. И они встанут подле тебя крепкой и грозной стеной единоверцев и пойдут за тобой, куда ты им прикажешь, творя вместе с тобой новый мир, новый город и новые храмы. А храмы старых богов зачахнут сами собой, когда люди перестанут идти и нести туда жертвоприношения. Верь! Искренне уверуй сам, и тогда люди пойдут за тобой!

– Любимая! С тобой я могу свернуть горы, а без тебя мне нет жизни в этом мире, – сказал фараон, беря руку возлюбленной жены и поднося её к губам ладошкой вверх. – Если Осирис призовет тебя, как дочку, то я уйду вслед за тобой. У меня не будет сил ни жить, ни править, – продолжал он, целуя уже другую ладошку. – Я не хочу просыпаться без тебя, засыпать и не надеяться на пробуждение рядом с тобой. И не имеет смысла борьба, если тебя не будет рядом.

Он опустил её руки, их взгляды встретились, а в них лишь печаль и вселенская скорбь. Скорбь по утраченному ребёнку.

– Возьми золота сколько потребуется. Пусть лучшие скульпторы и резчики по камню построят усыпальницу достойную дочери царя, – произнёс фараон. – И я надеюсь, что ты, чарующая мой взор, подаришь мне сына!

У Нефертити сжалось сердце. А если предсказания гадалки сбудутся, и она опять носит под сердцем девочку? Что тогда? Будет ли его любовь также сильна? Не прогонит ли он её из дома, как провинившегося пса?

Нефертити склонила голову и поцеловала руку фараона. Она оставила его слова без ответа, втайне всё же надеясь – подарить ему сына.

Фивы. Утро следующего дня...

Нефертити проснулась ещё до зари. Предчувствие великих перемен и желание изменить свою судьбу вселяли в неё колоссальные силы и безудержную энергию.

Бенремут удивлялась:

– Ты стремительна сегодня, как песчаная буря.

– Да, да... Я должна поспеть всюду... Сейчас на западный берег в Долину цариц...

– Зачем?

– Хочу сама выбрать подходящее место для усыпальницы.⁴⁷ Она должна быть светлой и выходящей своими воротами на восток, где первые лучики солнца заглядывали бы к доченьке, согревая и пробуждая её невинную душу.

– Если хочешь, я поеду с тобой.

Нефертити удивлённо посмотрела на сестру, а та добавила:

– Буду управлять колесницей.

– Нет. Собери лучше мастеров к моему возвращению.

Сказала твёрдо и взошла на колесницу...

⁴⁷ В Долине цариц были усыпальницы жён и детей фараона.

Нефертити долго не могла выбрать место для усыпальницы, она блуждала среди скал, а жрецы заупокойного храма показывали ей то одну готовую гробницу, то другую. Гарем фараона большой, детей много, и, бывало, малыши не переживали даже пятый разлив Нила, поэтому усыпальниц для царских детей и жён заготовлено было много. Нефертити только подивилась тому, как у жрецов всё продумано, как будто речь шла не о детях, а о простом сборе урожая. Всё-то предусмотрено и на случай болезни, и на случай мора.

Жрецы, гордясь собой, показали ей, как происходит мумификация – не так давно умер сына фараона от одной из наложниц, о существовании которого он, даже если и знал, то никогда не видел – малыш был ещё слишком мал и не был представлен отцу. Крошечное тельце ребёнка покоилось в солёном растворе, и походило скорей на рыбку, чем на человеческое дитя.

– О боги! Разве сможет эта кроха преодолеть долгий путь к звёздам? – подумала Нефертити, глядя на малыша. Глаза её наполнились слезами. – Конечно же, нет! Но, тогда... Тогда усыпальница моей дочери должна находиться высоко на скале, так, чтобы ей было легче достичь небес!

И стремительно выйдя из заупокойного храма, Нефертити почти побежала к отвесным скалам, что примыкали к До-

лине цариц. За ней семенили жрецы в белых одеждах. Указав на самую высокую скалу, по которой скользили первые розовые лучи восходящего солнца, Нефертити властно повелела:

– Сотворить гробницу именно там!

Жрецы переглянулись – немыслимая блажь женщины! Но желание царицы, даже трудновыполнимое, – закон. Теперь им предстоит вырубать гробницу на высоте, где и птицы не вьют гнёзда!

Они склонили головы в низком поклоне – всё будет исполнено, как приказала *«Великая во дворце»* – мысленно продумывая, как же это сотворить.

А царица, довольная выбором места, взошла на колесницу и направилась во дворец выполнять следующие неотложные дела.

* * *

На хозяйственной половине дворца, в тени колонн толпился мастеровой люд. Их призвали по приказу фараона – подготовить наследную принцессу к вечному пути, но повелели ожидать царицу. Мастера переглядывались, изумляясь невероятной роскоши дома фараона. Огромные малахитовые вазы, золочёные колесницы и золотые столики, стульчики и подставочки для ног, золотые кувшины, и даже обычные масляные лампы были инкрустированы золотом. Для цар-

ского дома – это всего лишь утварь, но для простого люда было в диковинку, как небрежно все сокровища размещались на заднем дворе. И это лишь подчёркивало, как далеки мастера от фараона и как он близок к богам. Сердца одних преисполнились трепетным почтением, сердца других наполнялись страхом.

– Что же нам предстоит?..

– Сможем ли исполнить, что повелит фараон?

– Повелевать нам будет Нефертити!

– Царица?!

– Угодить ей?.. Трудно!

– А фараону?!

– Ещё трудней! Я помню, как он отправил неугодных ему мастеров с глаз долой. И это было страшней самой казни! Никто больше не потревожил их заказами.

– Да...

– Помогите нам боги!..

– Помоги мне, Хнум!..

– Помоги мне, Тот...

– Исида не оставь меня...

Волновались все: кто нервно поправлял парик, кто хрустел костяшками пальцев, но больше всех беспокойство проявлял молодой мастер, стоявший в тени одной из колонн. На его лице, как с листа папируса, читались все переживания – он то краснел, то бледнел, то покрывался испариной. Он топтался на месте, переминаясь с ноги на ногу, нервно постуки-

вал рукой по колонне, постоянно поправлял пояс и браслеты на предплечьях, хотя всё было безупречно.

Сам того не ведая, он выделялся из толпы мастеров. Очарование юности и физическая сила – сила молодого льва – давно привлекли к нему внимание служанок, снующих по двору. Но молодой мастер не замечал взглядов красавиц, не замечал и улыбок, которыми те одаривали его.

Старый мастер, сидевший рядом, долго наблюдал за ним, и, видя, что молодой мастер ни жив ни мёртв, расценил его состояние по-своему. Он, кряхтя, поднялся, подошёл к юноше и, положив заскорузлую руку на его плечо, по-свойски, словно знает его уже много лет, сказал:

– Не робей! Говорят, нас призвала царица, а ей угодить легче, чем фараону. Нефертити всегда знает чего хочет, а это уже половина дела. – Старик браво подбоченился, пытаюсь придать себе больше значимости в глазах юноши, но тот, услышав имя царицы, весь сжался и побледнел ещё больше. Старик оценил это опять же по своему разумению и продолжал подбадривать. – Не бойся, всё будет хорошо! Если у тебя не будет что-то получаться, то я тебе помогу. – Старика распирало от собственного величия. – Я вот служу дому фараона уже двадцать лет, и ни разу никто не сказал, что я плохой мастер! Я работал у самого Аменхотепа Небмаатра! Создавал его колоссов, что на том берегу! Видел? Ну, как работка? А мне тогда было не намного больше, чем тебе сейчас! – с гордостью произнёс он. – А тоже переживал, как и ты, ко-

гда мне приказали ваять для фараона. Очень переживал! Но всё получилось хорошо... – Он осёкся и замолчал. «Хорошо получилось», – передразнил его бахвальство его же внутренний и почему-то очень ехидный голос. Этот голос всегда навещал мастера, когда тот вспоминал о тех колоссах, что стоят на Западном берегу у входа в заупокойный храм Аменхотепа, отца нынешнего фараона. Ну и натерпелись мастера страху, когда по неизвестным причинам – то ли из-за дефекта в камне, то ли потому, что они плохо подогнули блоки, – поутру, когда утренняя заря сменила ночную тьму, огромный колосс издал тревожные звуки, похожие на тихий стон. Старый мастер хорошо помнил это утро, когда впервые над долиной разлились звуки, издаваемые колоссом! О, какой ужас охватил всех тогда! Люди пали ниц и, боясь пошевелиться, лежали так до тех пор, пока не прекратился этот звук, похожий на стон. Трепеща всем своим существом, не поднимая глаз и уткнувшись в пыль, они внимали голосу богов...

Звук оборвался так же внезапно, как и начался, и все были счастливы. Они живы! Боги оставили им жизнь и лишь пропели им песнь, как избранным, и казалось – на этом всё и закончится. Но на следующее утро всё повторилось вновь. И на следующее... И на следующее...

«Очень хорошо получилось! – продолжал подтрунивать над стариком его внутренний голос. – Особенно когда эта громада начала свистеть! Хорошо, что фараон увидел в этом добрый знак свыше, а если бы наоборот, то не сносить тебе

головы и не видать своего погребения».

Вспомнив такое жуткое событие в своей жизни, мастер, посмотрев на юношу, добавил уже без пафоса:

– Ты, сынок, скажи сразу: «Я это выполнить не могу», – если не знаешь, как создать то, что поручат. – Он покосился на юношу чуть прищуренным глазом. – Да, да, так прямо и скажи: «Я этого сделать не могу» – никто не осудит! Но если возьмёшься за работу, а мастерства окажется недостаточно, и выполнишь работу плохо, тогда не оберёшься горя! Если, хранят тебя боги, сотворишь фараона или царицу уродливыми, то могут и руки отрубить, как вору!

Старик бы ещё долго продолжал тираду о том, что надо делать и чего делать не должно, совершенно не обращая внимания, слушает его юноша или нет, если бы не рабыня, которая жестом указала всем следовать за ней.

* * *

Мастера боязливо вошли в тронный зал, не решаясь пройти дальше, застыли у входа, нежнейший запах благовоний окутал их. Свет факелов мерцал на золочёных стенах. В центре зала – переносной трон из чёрного дерева с золотыми ножками, рядом маленький столик, инкрустированный лазуритом, на нём – красивейший алебастровый кувшин, через его тончайшие стенки было видно содержимое. Кувшин был такой тонкой работы, что не верилось, как может что-либо

удерживаться в этом сосуде, похожем на паутинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.